

18+

Владимир Щербаков

РАМЗЕС КОРЧАГИН

Владимир Щербаков Рамзес Корчагин

<https://litres.ru/74465722>

ISBN 9785007124270

Аннотация

В сборник вошли рассказы и повести, написанные автором в разные годы и посвящённые самым разным темам. Но их все объединяет одно — человеческая уязвимость перед лицом того, что нельзя объяснить, контролировать или купить.

Содержание

Рамзес Корчагин наносит ответный удар	6
Вступление	7
1. Неожиданный поворот событий	11
2. Рамзес начинает действовать и чем закончилась его прогулка	17
3. Рамзес встречает Деревяшку	22
4. Как Рамзес нашёл свою родню	26
5. Совет семьи Корчагиных	30
6. Рамзес возвращается домой	32
7. Как Элен попала в «Розовый фламинго»	35
8. Элен вновь встречается с Рамзесом	38
9. Элен возвращается к Рамзесу	40
10. Рамзес и Элен разговаривают по душам	42
Вся жизнь — борьба	46
Путешествие в тёмный лес	75
Гвардии гауптман	104
Он и она	110
Тепло на двоих	132
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Рамзес Корчагин

Владимир Щербаков

Иллюстратор Яна Кочева

© Владимир Щербаков, 2026

© Яна Кочева, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0071-2427-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

СТИХОТВОРЕНИЯ

В. Щербаков. ЮНОШЕСТВА ПРЕКРАСНЫЕ ГОДА

В. Щербаков. ИЗУМРУДНАЯ СТРАНА

В. Щербаков. ЛЕТИТ ДОРОГА ВДАЛЬ

В. Щербаков. ПОД ТУСКЛЫМ ФОНАРЁМ

ЦИКЛ «ВОЗВРАТ НЕИЗБЕЖЕН»

В. Щербаков, А. Валиулина. КАЗАНСКИЙ АПОКАЛИП-
СИС

В. Щербаков, А. Валиулина. ПОБЕГ НЕ УДАТСЯ

ЦИКЛ «ЭВЕРГЛЕНД»

ЭВЕРГЛЕНД. ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ

ЭВЕРГЛЕНД-2. НОВАЯ УГРОЗА

ЭВЕРГЛЕНД-3. ФИНАЛ

+ АНЖЕЛИКА СМИТ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В. ЩЕРБАКОВА

Том 1. ЗА ТОБОЙ Я СЛЕДОВАТЬ ГОТОВ

Том 2. ЭВЕРГЛЕНД

Том 3. ВОЗВРАТ НЕИЗБЕЖЕН

Рамзес Корчагин наносит ответный удар

Предисловие

Данное произведение, безусловно, не несёт в себе ничего оскорбительного ни по отношению к вам, читателям, ни тем более по отношению к персонажам.

Наличие нецензурной лексики лишь показывает, что делает с хорошими людьми тяжёлая жизнь без любви и внимания к своей судьбе.

Все персонажи вымышлены, любые возможные совпадения с реальными людьми, событиями и явлениями случайны и ненамеренны.

Вступление

В Зани наконец-то настало воскресенье. Это был тот редкий день недели, когда город словно выдыхал после шести дней лихорадочной суеты, когда даже самые отчаянные дельцы и бандиты позволяли себе хотя бы пару часов забыть о делах. Утро. На улицы города опустился густой, молочно-белый туман, который всегда казался Рамзесу живым существом: он лизал стёкла домов, заползал в подворотни, прятал от посторонних глаз грязные тайны этого района. Рамзес проснулся в своей маленькой квартире в дешёвом жилом кооперативе на краю города. Кооператив носил странное, почти издевательское название «Розовый фламинго», что подтверждалось выгравированным изображением экзотической птицы на фасаде здания — некогда изящным, а теперь облупившимся и похожим на насмешку над былыми амбициями. На диване были разбросаны вещи вчерашней (очередной) подруги: кружевные тряпки, туфли на шпильке, дешёвые бусы. Мебель перевернута, на столе — настоящий хаос из пустых бутылок, окурков и засохшей еды.

Корчагин открыл мутные, воспалённые глаза, с трудом сфокусировал взгляд на грязном потолке, вылез из-под дивана (видимо, туда он скатился во сне) и пробормотал сиплым, незнакомым даже самому себе голосом: — А вот и утро, бл*! Голова, моя голова... — Он схватился за виски, словно пы-

таясь удержать черепную коробку от неминуемого разрыва. Каждое движение отдавалось тупой, пульсирующей болью, во рту было сухо, как в пустыне Сахара.

Он с трудом приподнялся, пошатываясь, цепляясь за стены, словно пьяный матрос во время шторма, и пошёл к месту, где должна была висеть его куртка — к вешалке около двери из квартиры. Разумеется, её там не оказалось — она валялась в противоположном углу вместе с целой кучей ещё каких-то вещей: чьих-то джинсов, рваной рубашки и даже одного потерянного носка. Рамзес с трудом, переступая через обломки вчерашнего веселья, доплёлся до куртки, грубо схватил её и начал обшаривать карманы с такой яростью, будто от этого зависела его жизнь. В них не было ничего. Ни копейки. Ни даже завалящей мелочи.

— Так... Мои 2 тысячи рублей... Ну и где?! — Он замер, тупо уставившись в одну точку, а потом его воспалённый мозг начал медленно, как старая машина, прокручивать события вчерашнего дня. Вспышка: смех Элен, бокал дешёвого шампанского, какая-то бумага, которую он подписал не глядя. — Сука! Элен! — Начал звать он, сначала тихо, потом всё громче. — Элен! Иди ко мне, зайчик!

Но лишь молчание было ответом. Пустая квартира дышала сквозняком из разбитого окна. Никто не отзывался и никто не приходил. Рамзес открыл свой кошелёк — потёртый, кожаный, подаренный отцом много лет назад — он, конечно же, был пуст. Затем Рамзес запустил руку в потайной кар-

ман, который был специально пришит на подкладке куртки, где он хранил паспорт. Паспорта тоже не было.

— Обокрала, сука! — Догадался Рамзес, и его осенило: она вычистила всё до нитки. — А вчера ещё по-французски говорила, шлюха! «Мерси», «салью» — туда-сюда...

Корчагин оделся наспех, натянул на себя то, что ещё выглядело более-менее сносно: брюки с пятном от красного вина, рубашку без двух пуговиц, пиджак с вытянутыми локтями. Он подошёл к грязному, заляпанному и изгвазданному отпечатками рук зеркалу. Перед ним было странное существо: небритая физиономия с чёрными кругами под глазами, растрёпанные волосы, торчащие в разные стороны, наспех одетый мятый костюм и блудливая, совершенно неуместная сейчас улыбка. Рамзес снова вспомнил вчерашний день — как они танцевали на столе, как он хвастался перед ней своей «элитной» недвижимостью, — улыбнулся сам себе, а затем попытался открыть входную дверь. Но она была запёрта, а ключа в замке не было. Корчагин опустил руку в тёплый карман брюк, пошарил там, вывернул его наизнанку, но ключа не оказалось и там.

— Бл*! — Выругался он громко, так, что эхо пронеслось по пустой квартире, и тут же пожалел о том, что вчера связался с Элен. — Ну и сука! — Он пнул ногой пустую бутылку, та отлетела к стене и разбилась.

Рамзес Корчагин присел на коврик возле двери — старый, выцветший, с дырой от сигареты — закрыл лицо руками и

задумался о своей жизни. О том, как он, сын крупного бизнесмена, докатился до такой жизни. А затем, словно бы что-то невидимое, какой-то внутренний голос или ангел-хранитель, который ещё не окончательно бросил его, подсказало ему, как действовать дальше. Рамзес приподнял коврик — и о чудо! — обнаружил там ключ и аккуратно сложенную купюру в 50 рублей. Он улыбнулся — впервые за это утро искренне — и вышел на улицу, где, шурясь от бледного утреннего света, пробивающегося сквозь туман, направился в сторону ближайшего ларька.

Здесь на свои последние 50 рублей он купил бутылку водки — дешёвой, палёной, пахнувшей ацетоном — и вернулся домой, где, будучи весьма довольным тем фактом, что всё-таки он нашёл деньги, с удовольствием опорожнил всю бутылку за пару минут, закусив собственным кулаком.

1. Неожиданный поворот событий

Рамзес Корчагин продолжал сидеть возле двери, прислонившись спиной к холодной стене, и всё ещё думал о своей никчёмной, бессмысленной жизни, когда в дверь внезапно постучали. Стук был требовательным, властным — таким стучат только люди, привыкшие, что им открывают немедленно. Он приподнялся, с трудом удерживая равновесие после выпитой на голодный желудок водки, посмотрел в мутный, заляпанный глазок и увидел... её! Это была Элен! Она стояла на лестничной клетке, поправляя волосы, и выглядела на удивление довольной.

Рамзес, движимый животной злостью и желанием высказать всё, что он о ней думает, распахнул было дверь, но к счастью, не успел снять дверную цепочку — эта старая привычка, оставшаяся ещё от отца, спасла его от немедленной расправы. Поэтому ему достаточно быстро удалось захлопнуть дверь снова, едва не прищемив пальцы. Дело было в том, что на лестничной площадке, кроме Элен, стоял ещё и местный участковый Дар Лимов — толстый, вечно небритый мужик с заплывшими глазами — в сопровождении нескольких полицейских в чёрной униформе.

— Гражданин Корчагин! — Рамзес услышал грубый, металлический голос одного из полицейских. — Открывайте дверь немедленно! Это официальное требование!

— Зачем? — решил он потянуть время, надеясь, что это какой-то глупый розыгрыш или ошибка. — Говорите так. Я вас отлично слышу и через дверь.

— Вы должны уйти из этой квартиры. У вас есть пять минут на сборы.

— То есть как это «уйти»? — Рамзес опешил, чувствуя, как внутри поднимается горячая волна паники и ярости. — Вы выгоняете меня из моей квартиры?! Это незаконно! Я здесь прописан!

— Не Вашей, Рамзес, — подключился в беседу участковый Дар Лимов, его голос звучал на удивление спокойно и даже с какой-то фальшивой жалостью. — А этой милой дамы, Элен. У неё на руках все документы. Так что не устраивайте сцен, собирайте вещи и выходите по-хорошему.

— Как это?! Здесь были прописаны вначале мои родители, а затем уже я, — ответил Рамзес, чувствуя, как земля уходит у него из-под ног, и попутно, на подгибающихся ногах, начал отступать к балкону, словно загнанный зверь.

— Может быть, — согласился полицейский с лёгким, пренебрежительным смешком. — Но сейчас здесь прописана Элен. У нас есть официальная бумага с Вашей подписью, гражданин Корчагин. Подпись заверена. Или вы хотите сказать, что это подделка?

Рамзес замер. И тут его накрыло воспоминанием: вчера, когда он был уже мертвецки пьян, когда его сознание плавало где-то между реальностью и алкогольным бредом, Элен,

ласково воркуя на ухо, попросила его подписать какую-то бумагу.

«Просто разрешение на вывоз мусора, милый, ничего страшного», — говорила она, а он, едва держа ручку в дрожащих пальцах, поставил свою закорючку, не обратив ровным счётом никакого внимания на то, что подписывает.

«Так вот, что это была за бумага!» — Подумал Рамзес, и холодный пот выступил у него на спине. — *Какая же она сука! Как ловко всё провернула...*»

На последующие вопросы полиции — *«Выходите сами, гражданин, или нам взламывать?»*, *«Где ваши документы?»* — Рамзес уже не отвечал. Он действовал на автомате. Открыв балконную дверь, которая жалобно скрипнула ржавыми петлями, он выглянул вниз. До земли было высоко, но выбора не оставалось. Он перекрестился — привычка, оставшаяся от матери — и выпрыгнул на улицу. Приземлился он на что-то мягкое, вонючее и податливое. А затем, шатаясь и не веря своему счастью, пошёл по дороге куда глаза глядят. Ему, конечно, дважды повезло. Во-первых, то, что полицейские решили схалтурить, поленились и не послали одного человека на стражу окон с чёрного хода. А, во-вторых, что прямо под его окнами располагалась огромная мусорная куча — многолетнее хранилище отходов всего района, — которая смягчила его падение. А вонь от неё... В этом районе уже все давным-давно привыкли к этому запаху, как к родному.

Полицейские ещё некоторое время пытались решить вопрос с проникновением в квартиру разговорами — стучали, угрожали, требовали, — но, видя, что уже давно им никто не отвечает и в квартире стоит зловещая тишина, взломали хлипкую дверь ногой и, войдя внутрь, увидели, что квартира пуста. Через открытый балкон в квартиру проникали холодный ветер и устойчивый, тошнотворный запах помойки с улицы. Элен, что несказанно удивило Дара Лимова, настоятельно попросила не заводить дело на Рамзеса. «Не стоит портить себе статистику, — сказала она, сладко улыбнувшись. — Человек сам ушёл, зачем нам лишние хлопоты?»

Потому что никакого смысла в уголовном преследовании не было. Она получила квартиру, о которой даже не могла мечтать ещё несколько дней назад — пусть и в убогом районе, но своя крыша над головой! Да и как она могла получить квартиру сама, без необходимой помощи влиятельных людей? Её работа проституткой этому явно не способствовала. Да и, кроме того, к приезжим из Средней Азии в районе, где располагался кооператив «Розовый фламинго», относились весьма странно, двойственно. С одной стороны, их все жалели, подкармливали, пытались помочь, но если они у всех на виду пытались сделать что-то противозаконное по мнению местных жителей... На следующий день их могли просто не

найти. Раствориться. Испариться. Впрочем, кому нужно было бы искать приезжих проституток? Никому.

Надо сказать, что в других районах города всячески опасались появляться здесь. Ведь тут царили полное беззаконие, самоуправство со стороны коррумпированных местных полицейских и настоящий бандитский беспредел. Лишь те, кто здесь родился и вырос, кто знал все подворотни и расклады, могли спокойно и беспрепятственно перемещаться по улицам, не опасаясь получить заточкой в бок под дых или случайную пулю во время разборок местных группировок...

А когда-то, каких-то двадцать лет назад, здесь было элитное жильё. Светлое, дорогое, престижное. Отец Рамзеса Корчагина был главой местного кооператива и крупным бизнесменом, всячески способствовавшим росту и благополучию района. Он строил школы, больницы, детские сады. Но после очередного покушения конкурентов — пуля настигла его в собственном автомобиле — он скончался на руках у сына, а пост главы плавно ушёл его заместителю, Денису Корвягину. Он, конечно, не был столь благостным и праведным, как его предшественник, но и он сумел кому-то насолить, перейти дорогу не тем людям, так что достаточно скоро был убит и он — найден в лифте с перерезанным горлом. А кооператив после этого был быстро наводнён маргиналами, спекулянтами, аферистами и прочими мелкими бандитами. Часть прежних жителей вовремя съехала в другие районы, продав квартиры за бесценок, а Рамзес был вы-

нужден остаться, так как не смог найти необходимую сумму для обеспечения своего переезда и постепенно, год за годом, стал превращаться в такого же маргинала, как и все остальные — пьющим, грязным и никому не нужным.

...Рамзес Корчагин отошёл от своего дома не настолько далеко, чтобы не видеть его. Он остановился за углом, тяжело дыша, отряхивая с пиджака остатки мусора. Здесь, в соседнем доме, где уже давно не было никакого кооперативного жилья, а все квартиры были в частной собственности, проживал его давний, ещё с детского сада, друг — Костя Рягин.

Именно отсюда, от его двери, Рамзес решил начать свой долгий путь мести Элен, вернуть законное жильё, и, кто знает, может быть, даже переменить всю ситуацию в районе в целом, вернуть ему былое величие. С этой мыслью он постучал в дверь к Косте.

2. Рамзес начинает действовать и чем закончилась его прогулка

На следующее утро, после бессонной ночи на продавленном диване у Кости Рягина, Рамзес Корчагин, наконец окончательно протрезвевший и приведший мысли в порядок, решил прогуляться по району. Не просто так, а с разведкой.

Он вышел на центральный проспект — широкую, когда-то парадную улицу, а теперь заставленную палатками с дешёвым ширпотребом — и зашагал прямо по асфальту, местами потрескавшемуся и заросшему сорняками. Он тщательно оглядывал все окрестности, подмечая мельчайшие детали: кто стоит на углу, какие машины припаркованы у администрации, кто входит и выходит из подъездов, стараясь продумывать свои дальнейшие действия, как шахматист на несколько ходов вперёд.

Одет Рамзес был так же, как и всегда: мятый, неглаженный костюм болотного цвета, грязные, стоптанные ботинки и разодранная в нескольких местах куртка на синтепоне. Однако, переосмыслив за эту ночь свои жизненные принципы и взгляды, он всё-таки причесался, наскоро побрился дешёвым одноразовым станком, и его осунувшееся лицо уже не сопровождала столь знаменитая «корчагинская улыбка» — наглая, пьяная и самодовольная. Теперь в его глазах читалась холодная решимость.

Рамзес Корчагин решил направиться к главе кооператива «Розовый фламинго» и переговорить о сложившейся ситуации именно с ним, как с высшей инстанцией. Андрей Сергеевич Короненков, по кличке «Корона», в прошлом заключённый центральной тюрьмы Зани, отсидевший срок за разбой, возглавил кооператив всего лишь пару лет назад, но за это время успел значительно подняться, обрести связями и деньгами. Он весьма выделялся на общем фоне убогих жильцов — ездил на чёрном джипе, носил дорогие часы — но это никого ровным счётом не беспокоило. Все боялись.

Администрация кооператива располагалась не в самом жилом здании, где раньше жил Корчагин, а в старом, дореволюционном особняке XIX века, который являлся памятником архитектуры и должен был бы охраняться законом, но здесь, в окрестностях «Розового фламинго», всем было глубоко наплевать на закон. Всё здание было изрисовано безвкусными граффити, в некоторых местах на первом этаже выбиты стёкла, обваленная лепная штукатурка обнажила старинные, обожжённые кирпичи... И лишь второй этаж, где, собственно, и находился кабинет Короненкова, был более-менее приличным: пластиковые окна, кондиционер, железная дверь.

Рамзес Корчагин вошёл в здание, прошёл мимо сонного охранника, который даже не поднял головы, и направился прямоком в офис главы кооператива. В кабинете не бы-

ло никого, и, несмотря на то, что этот факт весьма удивил Рамзеса — он ожидал увидеть приёмную, секретарш, — он решил воспользоваться ситуацией, чтобы найти что-нибудь, что могло бы ему помочь. Но, открыв ящик стола — массивного, дубового — Рамзес увидел лишь свежие выпуски глянцевого журналов: «Playboy», «XXL», «Максим», аккуратно разложенные по стопкам. Он так увлёкся разглядыванием картинок, что не заметил того, как в кабинет бесшумно вернулся Короненков.

— Итак, — спокойно, даже ласково произнёс глава кооператива, скрестив руки на груди и глядя на Рамзеса сверху вниз. — Это здесь кто? Мышь у меня в амбаре?

— Это обманутый вами честный житель «Розового фламинго»! — выпалил Рамзес, выпрямляясь. — Это я, Рамзес Корчагин! И я пришёл к Вам, чтобы решить очень важный вопрос, касающийся справедливости...

— Насчёт журналов? — Короненков прищурился и посмотрел прямо в лицо Корчагину, изучая его, как букашку под микроскопом. — Хорошо, я сделаю так, чтобы они доставлялись в каждую квартиру... Первый месяц бесплатно, а там посмотрим, кому что по карману...

— Нет! Я не насчёт этой порнухи!!! Я требую восстановить мои права на жилплощадь! Я...

— ЧТО?! — Мигом побагровел Короненков, его шея налилась кровью. — Вы называете это искусство — порнухой?! Да знаете ли Вы вообще, что такое настоящее искусство,

быдло вы эдакое?!

— Конечно, знаю, — неожиданно для самого себя твёрдо кивнул Корчагин. — Энгр, Пикассо, Ван Гог... Я учился в художественной школе, между прочим!

— Молчать! — взревел Короненков так, что задребезжали стёкла. — Немедленно убирайтесь из моего офиса, пока я не позвал своих ребят!

Короненков резко оттолкнул Рамзеса в сторону, сел за стол и начал что-то оживлённо, с нажимом, писать на официальном бланке с эмблемой кооператива — розовым фламинго на закате.

— Извините, — Корчагин решил сделать последнюю попытку, пересиливая страх. — Но у меня к вам серьёзный разговор...

— Вы всё ещё здесь?! Я же сказал Вам убираться, мусор! Вы что, русским языком не понимаете?!

— Я не уйду, пока Вы не выслушаете меня! — резко произнёс Рамзес, ударив кулаком по столу.

— Что ж, очень хорошо, — неожиданно улыбнулся Короненков, и улыбка эта была страшной. Он встал из-за стола, не спеша обошёл его и открыл дверь в коридор. — Очень хорошо... Эй, Матвей! — На пороге мигом вырос огромный, как шкаф, охранник с бычьей шеей и маленькими, злыми глазками. — Заберите этого... м-м-м... человека и объясните ему на доступном языке, что значит уважать власть и почему не следует ей хамить, сидя на шее у государства. И да, я

ещё разберусь, где вы были и почему эти... м-м-м... товарищи беспрепятственно шастают по секретному объекту, как к себе домой!

Рамзеса грубо схватили за локти, вывернули руки и выволокли в коридор. Он попытался было что-то произнести, какую-то жалкую речь о правах человека, но от удара тяжёлым предметом — кажется, резиновой дубинкой — по голове сзади, моментально отключился, потеряв сознание, и его поволокли вниз по лестнице.

3. Рамзес встречает Деревяшку

Очнулся Рамзес в камере предварительного заключения — сырой, вонючей, с ржавыми нарами и зарешеченным окном под самым потолком. Голова гудела, затылок был в запёкшейся крови. Он с трудом сел, огляделся и понял, что именно здесь, в этом бетонном мешке, ему предстоит провести ближайшую неделю, а может, и больше, если Короненков решит его подзадержать. Но вскоре произошла встреча, которая изменила его взгляды на будущее и дала ему надежду.

Через пару часов в эту же камеру буквально втолкнули человека, которого Корчагин поначалу не узнал — настолько тот был избит и грязен.

Это был молодой человек лет двадцати, с живыми, умными глазами, которые даже сквозь синяки светились каким-то внутренним огнём. Лишь потом, присмотревшись, Рамзес понял, что это был его старый друг и товарищ — Виталий Коревягин.

Они вместе учились в школе за одной партой, а потом вместе работали на заводе точного машиностроения, который принадлежал отцу Корчагина. Но после смерти отца завод пришёл в полный упадок, станки растащили, цеха опустели, и все рабочие разбрелись кто куда: кто-то уехал в другие районы и города, кто-то спился, а кто-то и вовсе стал работать помощником Короненкова, поставляя ему крышу.

Но Виталий Коревягин не принадлежал ни к тем, ни к другим. Он, как и Корчагин, остался в районе. Единственным отличием было то, что он не стал спиваться и вести разгульный, пустой образ жизни, а стал заниматься столярным делом — настоящим, мужским ремеслом. Его изделия — резные наличники, деревянная мебель, иконостасы — отличались высоким качеством и даже славились за пределами района, а за то, что он виртуозно работал с деревом, он получил прозвище «Деревяшка».

В КПЗ он попал за то, что на сходе жителей публично призывал свергнуть Короненкова, назвав его вором и оккупантом. Хоть район и превратился из передового в самый грязный по репутации, уголовный кодекс здесь продолжали чтить, но своеобразно. И, таким образом, в соответствии с рядом натянутых статей («призывы к массовым беспорядкам», «оскорбление представителя власти»), Коревягину предстояло провести за решёткой чуть больше двадцати лет. На следующий день его увели, грубо посадили в закрытый грузовик с решётками и отправили неизвестно куда — скорее всего, в колонию строгого режима на Север. Но перед тем, как конвойные затолкали его внутрь, он успел повернуться к Рамзесу и сказать ему то, что запало в душу навсегда:

— Рамзес! Ты должен всегда оставаться самим собой, несмотря ни на что. Слышишь? Ни на что! Пусть это чревато тем, что тебя посадят в тюрьму, могут даже убить, особен-

но здесь, в нашем проклятом кооперативе... Но вспомни то, что говорил твой отец моему, когда мы были детьми: «Цель жизни — не шумиха и даже не успех; позорно ничего не знача быть притчей на губах у всех!». Не будь притчей, Рамзес. Будь человеком.

Рамзес не мог забыть эти слова. Они стучали в висках, как набат. Его отец, интеллигентный и образованный человек, увлекался русской и зарубежной поэзией, а Борис Пастернак был одним из его любимых поэтов. И эти слегка изменённые, подстроенные под жизнь строки из стихотворения «Быть знаменитым некрасиво...» стали главным девизом отца Корчагина. И теперь, по иронии судьбы, они стали маяком и для самого Рамзеса.

Спустя пару дней — как он понял, по звонку сверху, потому что Короненков решил не связываться с дальнейшими разбирательствами — Рамзеса выпустили, вытолкали на улицу, прямо в грязь.

Он постоял, щурясь на свет, и принял твёрдое решение: он найдёт и уничтожит (морально или физически) тех, кто виновен в смерти его отца; тех, кто привёл некогда самый благополучный квартал города в состояние зловонного отстойника, а власть над кооперативом оказалась в руках у коррумпированного уголовника с криминальным прошлым.

Кроме того, он непременно хотел вернуть свою квартиру — кровь предков, единственное наследство. Но для того, чтобы заняться всем этим серьёзно, с холодной головой, ему пришлось на некоторое время уехать отсюда.

Из этого гиблого места, где людская гниль буквально проступала из каждой щели, где воздух был пропитан предательством и страхом.

4. Как Рамзес нашёл свою родню

Рамзес решил пожить в соседнем, благополучном районе, где у него, как он смутно помнил, всё ещё оставались родственники по материнской линии. Именно с ними, единственными, кто его ещё не предал, он и решил обсудить возникшую проблему. Проблему, получившую в его голове громкое название «Квартира и Элен». Он представлял этот разговор как суд, как исповедь.

Рамзес медленно, с чувством собственного достоинства, которого он раньше никогда не испытывал, шёл по центральной улице соседнего района и поражался красоте настоящего, не показного благополучия.

Все дома выглядели как новенькие, с отремонтированными фасадами, стёкла в окнах блестели на солнце, как зеркала, вдоль тротуаров были высажены аккуратные клумбы. Он не помнил точный адрес своей родни — годы пьянства стёрли из памяти многие детали, — но когда заметил солидную вывеску «Корчагин и Ко» на одном из стеклянных офисных зданий, сразу понял, что ему следует идти именно сюда.

Рамзес распахнул тяжёлую стеклянную дверь и вошёл внутрь. За столом в просторной, светлой приёмной сидела миловидная девушка лет двадцати пяти в строгом офисном костюме. Она подняла глаза и уставилась на него с выражением вежливого, но ледяного недоумения.

— Вы к кому, э... товарищ? — произнесла она, внимательно оглядев его мятый костюм и грязные ботинки с ног до головы, задержав взгляд на пятнах на пиджаке.

— Мне бы к Вашему боссу, я его племянник, Рамзес Корчагин. Дядя Серёжа меня примет.

Секретарша смирila его взглядом, полным такого презрения и удивления, будто перед ней стоял инопланетянин, но, тем не менее, как обученный профессионал, она взяла себя в руки и связалась по внутреннему коммуникатору с начальником.

— Сергей Иванович, тут к Вам пришёл какой-то человек, говорит, что он Ваш племянник, Рамзес. Что?.. Да, я понимаю. Хорошо, я спрошу.

Спустя мгновение, она подняла глаза на Рамзеса и сказала ровным, ничего не выражающим голосом:

— Проходите, Рамзес. Вас ждут на третьем этаже.

Он двинулся вверх по широкой мраморной лестнице, стараясь не смотреть на своё отражение в зеркальных стенах. На третьем этаже, в конце длинного коридора, находился офис его дяди — Сергея Ивановича Корчагина. Рамзес открыл тяжёлую дубовую дверь и вошёл в просторный кабинет с панорамными окнами. Как он давно не видел дядю, как же он изменился... В молодости, по рассказам матери, он любил слушать неформатную музыку, носил длинные волосы, собранные в небрежный хвост, ходил в драных джинсах. А сейчас... Сейчас перед ним был солидный бизнесмен в дорогом

костюме-тройке, с безупречной стрижкой, таких показывают только по центральному телевизору в рубрике «Успешный успех». Где-то ещё порядка десяти минут они молча, тяжело смотрели друг на друга — старый лев и заблудший племянник, — а потом Сергей Иванович медленно встал из-за массивного стола, подошёл к племяннику и положил ему руку на плечо.

— Рамзесик, ты ли это, ёлки-палки? Как же ты вырос, как же изменился... Я тебя едва узнал. Ты на отца стал похож.

— Да, дядя Серёжа, — улыбнулся Рамзес, чувствуя, как подкатывает комок к горлу. — Это я. Ты, кстати, тоже изменился. Мама говорила, ты хипповал.

— Да, — кивнул он с ностальгической грустью. — Жизнь заставила. Я обзавёлся небольшим бизнесом, знаешь ли. А что ты здесь делаешь? Почему не у себя, в этом вашем «Розовом фламинго».... Никогда не любил это дурацкое название, скажу я тебе честно. Как можно было назвать кооператив в честь какой-то птицы?

Рамзес глубоко выдохнул, собираясь с мыслями. — Я там пока не могу находиться. По ряду очень серьёзных причин. И помочь мне можешь только ты. Ну, или по крайней мере, рассказать, что делать дальше. Дать совет, так сказать, породственному. Ты ведь помнишь, что после того, как убили моего отца, там появился Денис Корвягин...

— Да, — кивнул Сергей Корчагин, его лицо стало серьёзным. — Довольно неплохой был малый, хоть и не без приду-

ри. Держал порядок железной рукой. Жаль, что его убрали.

— В общем, его тоже убили при невыясненных обстоятельствах. До сих пор не нашли убийц. Руководить кооперативом стал бывший зэк Короненков, по кличке...

— «Корона», — мигом посерьёзнев, перебил Сергей Иванович, и в его глазах вспыхнула холодная ярость. — Редкостный гад. Мразь. Я его знаю.

— Ты его знаешь? — удивился Рамзес. — Откуда?

— Он мой самый злейший конкурент на этом рынке. Не даёт проникнуть в территории вблизи вашего кооператива и всячески мешает мне там, где я давно уже веду свои дела... Но, я так понимаю, твои личные проблемы связаны не столько с ним, сколько с этой женщиной?

— Не столько, — кивнул Рамзес и, собравшись с духом, рассказал всё, что с ним произошло: про Элен, про подпись, про прыжок с балкона, про КПЗ.

— Да... — протянул Сергей Иванович, покачав головой. — Дела... Дрянь ситуация. Значит так, оставайся пока пожить у меня. Отмойся, приди в себя. Через месяц, когда у меня будет посвободнее с графиком, всё обсудим. Не пропадёшь, Рамзес. Ты — Корчагин.

5. Совет семьи Корчагиных

Ровно через месяц, когда с делами Сергея Корчагина было более-менее покончено — закончилась проверка налоговой, подписан важный контракт — и у него наконец появился один свободный выходной день, всё семейство Корчагиных в полном составе собралось в большом конференц-зале, чтобы обсудить проблему Рамзеса. Это был настоящий семейный совет, как в старые добрые времена, когда решались судьбы империй.

За длинным полированным столом собрались все родственники Рамзеса, ныне обитающие в городе Зани и его пригородах, а также многие его старые друзья, которые ещё не отвернулись от него. Был здесь и его двоюродный брат, Анатолий, подтянутый мужчина в штатском, с непроницаемым лицом, который возглавлял какую-то секретную спецслужбу — Рамзес так до конца и не понял, какую именно, потому что Анатолий уходил от ответа с загадочной улыбкой. Были тётушки, дядюшки, кузены — все при галстуках, с дорогими телефонами.

На совете после долгих дебатов и взаимных упрёков было единогласно объявлено, что Рамзесу, конечно, жутко не повезло в жизни, но, по большому счёту, он сам виноват во всех своих бедах. Если бы он не пил, не водил сомнительные знакомства, следил бы за документами, ничего бы не случи-

лось. Но, тем не менее, семейный совет Корчагиных постановил: родню в беде не бросать. И решил, что поможет Рамзесу деньгами и связями, но не более того.

Для этого его снабдили приличной, очень приличной суммой денег наличными — в конверте, который передал Анатолий с напутствием «не пропей». Уже за одно это Рамзес был безмерно благодарен своей семье — слёзы навернулись на глаза. Но также ему дали и строгий наказ: всего в своей жизни он теперь должен добиваться сам. Своим умом, своими руками, своей головой. При этом никогда не забывая о тех, кто ему дорог, и кому дорог он сам. «Не посрами фамилию», — сказал Сергей Иванович на прощание, пожимая ему руку.

На этой оптимистичной, немного пафосной ноте Рамзес покинул дом своих родственников, спустился по мраморной лестнице, вышел на чистую, ухоженную улицу и, тяжело вздохнув, отправился обратно — туда, в грязь и вонь, где ему предстояло теперь отстаивать право на свою нормальную, безбедную жизнь.

6. Рамзес возвращается домой

Если в прошлый раз, когда Рамзес покидал злосчастный квартал, в котором располагался кооператив «Розовый фламинго», он уходил пешком, как бездомный пёс, перемазанный в мусоре, то теперь он добрался сюда на общественном транспорте — на междугороднем автобусе, в котором было чисто и даже пахло пирожками.

Впрочем, когда автобус подъехал к его остановке, он был единственным пассажиром. Все остальные, человек пятнадцать, либо повыходили раньше, либо не горели ни малейшим желанием ехать в этот криминальный район, что Рамзес прекрасно понимал и не осуждал их.

Он вышел на замусоренной остановке, глубоко вдохнул воздух, полный грязи, прелых листьев и прочих не очень приятных ароматов —дохлых крыс, нечистот, дешёвого табака — и твёрдой походкой направился в сторону кооператива, где жил до наступления всех драматических событий. Сердце его колотилось где-то в горле, но он держался молодцом. И вот уже, когда он практически вплотную подошёл к своему родному зданию с облупившимся фламинго на фасаде, он увидел... её. Элен!

— Эй! — громко, на весь двор, крикнул он, срывая голос.
— Элен! Постой, нам надо поговорить! Я не кусаюсь!

Она обернулась на звук, её лицо исказилось от ужаса, ко-

гда она узнала его, увидела Рамзеса так близко от себя. Словно приведение с того света. Она дико вскрикнула — пронзительно, тонко — побросала на землю все тяжёлые сумки с продуктами, которые до этого с трудом несла в руках, и бросилась бежать прочь, смешивая каблуками грязь. Как ни пытался Рамзес её догнать, как ни ускорял шаг, переходя на бег, у него ничего не вышло. Элен юркнула в какой-то проулок и скрылась, словно растворилась в воздухе. Он вздохнул, остановился, упёршись руками в колени, отдышался, подошёл к брошенным вещам и внимательно их рассмотрел. Это были большие, объёмные пакеты из супермаркета, доверху заполненные продуктами: хлебом, молоком, колбасой, фруктами. Видимо, Элен сделала крупные закупки и несла всё в дом. Чуть вдалеке, у лужи, лежали брошенные ключи на брелоке.

— Ну, не пропадать же добру, — хмыкнул Рамзес, и глумливо, по-старорежимному улыбнувшись, подобрал ключи, взвалил на плечи пакеты и понёс их в квартиру.

Когда он вошёл, то сначала даже подумал, что ошибся номером квартиры. Настолько здесь всё было по-другому, по-новому, незнакомо. Везде царил идеальный порядок и приятно пахло ароматизаторами, которые Рамзес заметил аккуратно висевшими на стенах в пластиковых коробочках. С периодичностью в пять минут они выпускали мелкодисперсную взвесь, и воздух сразу наполнялся ароматом леса, лесных ягод, целебных трав...

Зеркало в прихожей, которое раньше было замызганным,

грязным и заляпанным чьими-то грязными руками, теперь было тщательно очищено до блеска и теперь блестело так, словно это вовсе не зеркало, а нечто невесомое, воздушное, живое.

Впрочем, так было во всей квартире. А когда Рамзес, оставив пакеты на кухне, вошёл в спальню, то уже ни на что не обращал внимания, кроме кровати. Он, не раздеваясь, рухнул на кровать, на свежее, хрустящее бельё, явно выстиранное и застеленное совсем недавно, пахнущее порошком и весной, и тут же крепко, без задних ног, заснул. Он спал так крепко, так сладко и безмятежно, как не спал до этого никогда в своей жизни.

7. Как Элен попала в «Розовый фламинго»

Элен Смирнова родилась в далёком Узбекистане, в небольшом, пыльном городке недалеко от Самарканда. Там она прожила до двадцати пяти лет. До того возраста, когда многие уже решают для себя, чем заниматься дальше: выходить замуж, рожать детей, работать на фабрике. Так бы она и жила в своём родном городе, может, вышла бы замуж за соседа, и ничего бы не произошло, если бы не её родной дядя, Фара. Он приехал к ней тогда, когда она собиралась устраиваться на работу в качестве продавца в салон сотовой связи. Она наивно надеялась, что он поможет ей устроиться в жизни, даст денег на первое время.

Но вместо этого дядя Фара, хитрый и жестокий человек с криминальными связями, повёз её в далёкую Россию, в город Зань. Там, в съёмной квартире, он заявил ей такое, от чего она пришла в ужас и полное смятение. Он сказал, что отныне она работает на него, что он продал её душу и тело. Она пыталась было сопротивляться, кричала, плакала, звала на помощь, но результатом стало лишь жестокое избиение, лишение обеда на три дня и очередное избиение — уже для профилактики дури в башке, как выразился дядя. Элен, по словам дяди Фары, в России была никем, пустым местом, и она обязана ему подчиняться во всём, что он ни попросит.

Он отобрал её паспорт и спрятал глубоко в своём железном сейфе, который стоял в его кабинете. А потом он заставил её работать в своём агентстве с красивым названием «Досуг и отдых». Но под этим, казалось бы, безобидным названием, скрывалось обычное бюро по оказанию интим-услуг жителям нескольких районов города. В том числе, и жителям кооператива «Розовый фламинго».

Каждый день, в шесть утра, заспанную и избитую, её привозили на старой машине в район расположения кооператива, и она должна была обслуживать всех, кто бы её ни позвал — старых, молодых, пьяных, трезвых, добрых и жестоких.

Забирали её лишь поздним вечером, и от результатов её работы — сколько денег она принесла — зависело то, будет ли она ужинать нормально или всё ограничится куском чёрствого чёрного хлеба и стаканом противной на вкус ржавой воды из-под крана.

Но однажды, в обычный, ничем не примечательный вечер, её не забрали. Она прождала два часа, замёрзла, и ночь ей пришлось провести в подвале одного из брошенных домов в компании нескольких, хоть и выглядящих весьма пугающе и лохмато, но, тем не менее, довольно благородных местных бомжей. Они поделились с ней хлебом и тёплым тряпьем.

Утром, когда она выбралась из подвала, отряхнулась и отправилась было на своё обычное место работы — к остановке, где её обычно забирали, — ей на глаза попалась свежая газета, лежащая на скамейке. Из крупной статьи на первой

полосе она и узнала причину того, почему её не забрали. Дело было в том, что здание агентства её дяди взорвали среди бела дня, самого дядю Фару убили выстрелом в затылок, а весь бизнес пошёл с молотка. Теперь Элен должна была зарабатывать себе на жизнь сама, без поддержки и без документов.

Полиция не обращала на неё никакого внимания — ведь тогда, когда она ещё работала в агентстве, она оказывала услуги и весьма высоким руководителям района и кооператива, и даже начальству районной полиции. Благодаря этому у неё завелись полезные, «нужные» знакомства, которыми она могла пользоваться в любой момент времени, когда бы ей это ни понадобилось.

Ей очень приглянулась квартира одного клиента — Рамзеса Корчагина, — которому она оказывала услуги пару дней назад. Чистая, с балконом, отдельный угол. Она раздобыла в полиции через знакомого чистый бланк, подсунула его пьяному Рамзесу вместе с шампанским и получила столь необходимую ей заветную подпись на документе, согласно которому Рамзес полностью и безвозвратно отказывался от своей квартиры в её пользу.

8. Элен вновь встречается с Рамзесом

Прошло уже два долгих, суетливых месяца с тех пор, как Элен завладела квартирой Рамзеса Корчагина в кооперативе «Розовый фламинго». Она по-прежнему работала по своей старой, постылой профессии, но если раньше ей приходилось выезжать к клиентам куда угодно — начиная от дешёвых бань и саун и заканчивая задрипанными халупами на окраине города — то теперь, когда у неё была собственная ухоженная квартира, Элен подняла ставки в три раза.

Теперь к ней шли не все подряд, а только те, кто реально мог заплатить столько, сколько раньше ей даже не снилось. Деньги копились в банке из-под чая, и Элен чувствовала, что тот день, когда она наконец-таки покинет столь ненавистный ей грязный город и вернётся на Родину, к нормальной жизни, уже очень и очень близко.

Осталось ещё немного потерпеть.

Элен полностью привела квартиру Рамзеса в божеский вид.

Выкинула всё, что уже давно надо было выкинуть — старую, разломанную мебель, рваную, вонючую одежду Рамзеса, пустые бутылки и прочий мусор...

Она тщательно отмыла зеркало в прихожей, плиту на кухне, отскребла многолетний жир, разобрала весь хлам на балконе, превратив его в уютное местечко с креслом.

Теперь квартира выглядела похожей на те, фотографии которых висят в глянцевых каталогах квартир на продажу — чисто, светло, стильно, даже дорого. Она вложила в ремонт всю душу.

Но, как это часто и случается в жизни, в один прекрасный, ничем не примечательный день, возвращаясь из магазина с тяжёлыми сумками, Элен увидела его... Рамзеса!

Он стоял прямо напротив её подъезда, живой, почти трезвый и смотрел прямо на неё. Элен тут же, не думая ни секунды, побросала пакеты на грязную землю и бросилась бежать прочь, петляя по дворам, как заяц от лисы.

9. Элен возвращается к Рамзесу

Элен уже почти добралась до безопасного, как ей казалось, дома дяди Фары — теперь там никто не жил, но можно было переночевать, — когда в мегафоне, старом ржавом, висевшем на бетонном столбе, раздался хриплый, усиленный голос диктора городского радио.

То, что услышала Элен, заставило её резко остановиться, похолодеть и развернуться обратно. Ведь только он, Рамзес Корчагин, теперь мог её спасти от неминуемой гибели.

По радио официальным тоном сообщили, что новым главой крупной холдинговой компании, которая ранее принадлежала её покойному дяде Фаре, а теперь поглотила несколько мелких контор, стал Михаил Козлов, её старый, заклятый враг и бывший клиент. Когда-то давно (теперь, как казалось Элен, в прошлой, совсем другой жизни), она отказала ему в оказании определённых, самых интимных услуг.

За это она, конечно же, была жестоко наказана дядей — двое суток в подвале без еды, — но он, тем не менее, ей тогда со странной гордостью сказал: *«Ну и правильно, дочка. Нечего этому уроду давать власть надо мной. Молодец, что отказала. Но ты же понимаешь, что несмотря на это, ты получишь своё наказание за непослушание?»* .

Теперь же, когда Козлов возглавил целую корпорацию, которая поглотила и компанию дяди Фары, и нацеливалась

на другие районные организации, её жизнь здесь была под смертельной угрозой. Тем более, по радио было открытым текстом объявлено, что любой, кто увидит Элен Смирнову, обязан немедленно сообщить о её местонахождении за солидное, очень солидное вознаграждение.

Элен, собрав волю в кулак, развернулась и быстрым шагом двинулась прочь от дома дяди в направлении «Розового фламинго». Туда, куда она теперь хотела возвращаться ещё меньше, чем раньше, но другого выхода, другой защиты у неё уже просто не осталось.

Рамзес проснулся на чистой кровати от ужаснейшей какофонии звуков — кто-то отчаянно, исступлённо колотил во входную дверь, и этот стук отзывался резкой, простреливающей болью в голове, словно отголоски вчерашнего запоя.

Первое время после того, как он открыл глаза, Рамзес пытался сообразить, где находится и почему вокруг так чисто, светло и пахнет цветами. А когда уже он проснулся окончательно, услышал знакомый, истеричный голос за дверью, то натянул штаны и на негнущихся ногах направился в сторону входной двери.

Он подошёл к зеркалу, машинально пригладил волосы, а потом посмотрел в глаза своему отражению.

— Да не может быть! — ахнул он, узнав голос. — Элен! Она вернулась!

10. Рамзес и Элен разговаривают по душам

— Рамзес! — крикнула Элен с той стороны двери, её голос срывался на визг. — Ради бога,пусти меня внутрь! Нам нужно поговорить! Пожалуйста! Я не враг тебе!

Рамзес замер, прижавшись к дверному косяку. С одной стороны, она была права — им действительно нужно было поговорить. Поговорить обо всём, начистоту, без вранья.

В первую очередь о её подлых действиях, благодаря которым Рамзес чуть было не лишился свободы и на некоторое время оказался без жилья, как бродяга. Но с другой стороны, в её голосе было столько отчаяния, что его сердце дрогнуло.

— Интересно о чём? — спросил Рамзес с показной холодностью, но, тем не менее, провернул ключ в замке и открыл дверь.

Элен буквально влетела внутрь, как пробка из бутылки шампанского, и даже не разулась, оставляя грязные, мокрые следы с улицы на чистом полу, который буквально недавно сама, своими руками, отдраила от почти векового бардака и беспорядка, который допустил Рамзес...

Элен впорхнула в гостиную, где плюхнулась на тот самый диван, где было так весело и безопасно им обоим буквально два месяца назад, и закрыла лицо руками.

— Итак? — спросил Рамзес, нервно пощипывая свою ред-

кую, жидкую бородёнку, и скрестил руки на груди. — О чём ты хочешь со мной поговорить, спасительница моя?

И Элен, тяжело, надрывно вздохнув, не поднимая глаз, рассказала ему всю свою подноготную историю жизни: про дядю Фару, про принуждение, про страх, про то, что паспорт у неё украден, а теперь ещё и Козлов объявил на неё охоту. Рамзес слушал молча, не перебивая.

Он начал понимать, что она — точно такая же жертва обстоятельств, как и он сам. Просто их обстоятельства были разными. Но, если в его случае оружием этих обстоятельств была сама Элен, то в её отношении сложилось сразу несколько десятков факторов, сломавших её волю. Рамзес крепко задумался, прошёлся по комнате, посмотрел в окно на серое небо.

Им обоим нужно было срочно предпринимать какие-то совместные действия, иначе пострадают они оба. Причём с большей долей вероятности от рук Короненкова, который явно не хотел терять столь выгодное место начальника кооператива «Розовый фламинго», или от людей Козлова.

Рамзес принял решение. Он достал мобильный телефон, который дал ему дядя, и позвонил своему двоюродному брату Анатолию, что работал на какую-то секретную службу.

Анатолий пообещал разобраться. Когда они с группой быстрого реагирования наведались во «Фламинго» и в особняк Короненкова, то выяснилось, что кого-либо задерживать, «колоть» на допросах и наказывать уже поздно.

Короненков, предупреждённый кем-то из своих, скрылся в неизвестном направлении на своём чёрном джипе и был объявлен в федеральный розыск. Михаил Козлов, в отличие от Короненкова, никуда скрываться не собирался. Несмотря на свой подлый, мстительный и злобный характер, он был адекватным бизнесменом и прекрасно понимал, что когда-нибудь он непременно поглотит «Розовый фламинго» целиком.

Не сейчас, так потом. Поэтому он, посоветовавшись с юристами, отказался от своих планов ловить Элен, допрашивать её и, кто знает, может, даже расхотел её убивать. По крайней мере, пока.

Рамзес Корчагин и Элен Смирнова помирились и стали лучшими друзьями, которых свела вместе злая судьба. А беда, сплотившая их навеки, послужила началом новой ячейки общества — странной, но крепкой.

И, пусть иногда они не сходились во взглядах на какие-то события, в одном они сходились совершенно точно. Они оба люто, до скрежета зубов, ненавидели одну-единственную, приторную песню, которая часто играла из динамиков в их районе:

*Розовый фламинго — дитя заката,
Розовый фламинго здесь танцевал когда-то...¹*

¹ Песня «Розовый фламинго» (1994) из репертуара А. Свиридовой; одна из наиболее успешных в её творчестве.

Казань, 2006 — 2007

Вся жизнь — борьба

Бой продолжается

Мой бой продолжается

Мой бой!

Я стал свободным от чужих команд

Война осталась в прошлом, сгинула в туман

Здесь от холёных лиц меня тошнит

Я вспоминаю мертвых, и душа кричит...

«Бой продолжается», гр. «Ария»

Давным-давно, в мире, лежащем далеко за пределами нашего, — мире, у которого не было точного названия на картах смертных, но который его обитатели называли просто «Основание», — само устройство реальности было хрупким, как зимний лёд на утреннем солнце. Этот мир был прекрасен и суров: его небо по ночам переливалось тремя лунами разного оттенка, а днём над бескрайними равнинами и зубчатыми горами сияло жёлто-оранжевое светило, дававшее тепло, но не рассеивавшее полностью древний холод, таившийся в углах бытия. Люди здесь жили в крепостях-городах, окружённых стенами из чёрного камня, ибо знали: когда солнце уходит, мир меняется.

В тених — не просто под деревьями или за углами домов, но в тех самых тених, что рождаются между светом и тьмой, в промежутках, где реальность истончается, — скры-

вались странные существа. Они не были порождением обычного мрака; они сами были мраком, принявшим форму. Никто не знал, откуда они пришли: одни легенды говорили, что их породила упавшая звезда, другие — что они были первыми обитателями мира, изгнанными на изнанку бытия, когда люди пришли и принесли с собой огонь и железо. Но одно было известно всем: эти существа были ужасающими.

Их тела, сотканные из полупрозрачного серо-фиолетового вещества, постоянно текли, меняли очертания, но в центре всегда оставались неизменными: пасть с острыми, как бритва, зубами, расположенными в три ряда, и глаза — два, четыре, иногда шесть — светящиеся ядовито-зелёным или кроваво-красным. Эти глаза, казалось, пронзали тьму, видели сквозь стены, сквозь кожу и плоть, видели самую суть человеческого страха, которым они питались. Они не просто убивали — они высасывали из жертвы воспоминания, надежды, волю, оставляя лишь пустую оболочку, которая через несколько дней рассыпалась в прах.

Но нашлись и те, кто осмелился противостоять этим монстрам. И это были не закованные в латы рыцари, не прославленные генералы с армиями за спиной, а смелые девушки, которые шли против тварей, вооружённые лишь своим умом и отвагой. В мире, где мужчины часто ломались под гнётом страха или предпочитали не замечать угрозу, надеясь откупиться ритуалами и жертвами, именно женщины — дочери кузнецов, ткачих, павших воинов, а иногда и самих тeneвых

чудовищ (ибо ходили слухи, что некоторых младенцев твари не убивали, а оставляли, помечая странной меткой) — поднимались на битву.

Но это были не обычные девушки. Их нельзя было назвать просто «храбрыми» или «отчаянными». С самого рождения, едва научившись держать голову и открывать глаза, они проходили суровый отбор. Старшие наставницы — седые воительницы, носившие на телах сотни шрамов, каждый из которых был историей битвы, — приходили к родителям таких детей и говорили: «Эта девочка отмечена. Она видит тени там, где вы видите только свет. Отдайте её нам, или она погибнет первой же ночью, когда монстры придут за вашим городом».

И родители, плача, отдавали. Так девочки попадали в монастырь-крепость Ветреный Пик, вырубленный прямо в скале на северном побережье, где штормовые ветра с океана разбивались о стены, но никогда не проникали внутрь — ибо внутренние дворы защищали древние заклинания, вырезанные на каждом камне. Там, среди вечного холода и запаха стали, соли и озона, их с младенчества обучали сражаться с теневыми тварями.

Их учили не только владеть мечом, копьём или луком. Сначала они учились сидеть неподвижно часами, глядя на

собственную тень, пока та не начинала жить своей жизнью — ибо понять врага, состоящего из тени, можно было, лишь познав природу собственной тьмы. Затем — различать шесть видов теней: собственную, чужую, падающую, стоячую, внутреннюю (ту, что в пещерах и домах) и ту, самую опасную — пульсирующую, которая возникает там, где реальность истончается до предела. Только после этого им разрешали взять в руки оружие, и то сперва деревянное.

Годы шли. Девочки становились девушками, а девушки — воительницами. Их тела превращались в совершенные машины для убийства теневых тварей: мышцы, закалённые ежедневными спаррингами на обледенелых плацах; глаза, приученные видеть в полной темноте и замечать малейшее движение в углах периферийного зрения; уши, различавшие шёпот твари за триста шагов. Но главным было не тело. Главным был дух, закалённый до состояния холодной, яростной решимости. Они были бесстрашны — не потому, что не ведали страха, а потому что научились превращать его в оружие. Страх, говорила Верховная Наставница Айрин, самая старая из живых воительниц, чьё лицо было полностью скрыто под шрамами, — это не враг. Это топливо. Бойтесь — значит, живы. А живы — значит, можете убивать.

И они были преисполнены горячей решимостью защитить свой мир от ужасов, угрожавших поглотить его. Не ради славы — о подвигах воительниц редко слагали песни, а если и слагали, то вполголоса, в тавернах, да и те песни быстро за-

бывались. Не ради благодарности — ибо обычные люди боялись воительниц почти так же сильно, как и самих чудовищ, шарахались от них на улицах и шептали вслед: «Проклятые, отмеченные, не люди вовсе». Они сражались потому, что иначе не могли. Это стало их сутью, их дыханием, их единственным способом оставаться людьми в мире, который с каждым закатом всё больше погружался во тьму.

Однажды ночью, когда луна — та, что звалась Большой Охотницей, — поднялась высоко в небо, достигнув зенита и окрасив всё вокруг в болезненно-серебристый цвет, существа вышли из своих укрытий.

Это была не обычная вылазка, не мелкое набеговое браконьерство, какое случалось раз в седмицу. Это был настоящий штурм. Позже, анализируя ту ночь, воительницы поняли, что твари координировались — нечто неслыханное для существ, которых всегда считали животными, движимыми лишь голодом.

Они скользили и ползали по улицам, словно чёрные маслянистые реки, разливающиеся по переулкам и площадям. Они текли по стенам, перетекали с крыши на крышу, просачивались сквозь решётки сточных канав. Их было не меньше сотни — больше, чем любой из воительниц доводилось видеть за раз. В ту ночь в городе Каменные Ключи, где рас-

полагался один из форпостов воительниц, проживало около трёх тысяч человек. И тени пришли за каждым, кто не успел спрятаться.

Их жертвами становились те, кто не успел добраться до-мой до полуночного часа: подвыпившие гуляки, задержавшиеся в местных тавернах, где подавали крепкое ячменное пиво и жареных голубей с чесноком; юные влюблённые парочки, шептавшие друг другу глупости в тени старых дубов на центральной площади; запоздалые торговцы, возвращавшиеся с ярмарки в соседнем городке с телегами, полными товаров — шёлка, пряностей, кованых подсвечников. Были и те, кто решил испытать свою судьбу: отчаянные юнцы, вооружённые кухонными ножами и отцовскими охотничьи-ми арбалетами, мечтавшие доказать свою храбрость и, возможно, получить награду. Они выбегали на улицы с криками, размахивали оружием, пытались противостоять чудовищам...

Но всё было бесполезно.

Первая волна смельчаков исчезла в течение десяти минут. Их крики раздавались то тут, то там, но каждый внезапно обрывался, сменяясь тихим, влажным хрустом. Твари не просто убивали — они, как позже с ужасом рассказывали свидетели, вытягивали из тел что-то невидимое, похожее на серебристый дым, а сами тела после этого съеживались, старели на глазах и рассыпались в прах за считанные секунды. К утру от двадцати трёх человек, рискнувших выйти против теней, не

осталось даже воспоминаний — буквально, ибо выжившие не могли вспомнить их лиц, имён, даже самого факта их существования.

Однако девушки-воительницы, размещённые в Каменных Ключах гарнизоном в двенадцать человек под командованием седой Эльдис по прозвищу Железный Кулак, хорошо подготовились к столкновению с монстрами. Они не спали уже вторые сутки, чувствуя приближение чего-то крупного — та особая дрожь в основании черепа, которую невозможно объяснить логикой, но которая никогда не обманывает. И когда первые крики разорвали ночную тишину, они уже были на ногах, в полном снаряжении: лёгкие кольчуги из звеньев, покрытых слоем серебра (ибо серебро, как знали воительницы, причиняло теням особую боль), короткие мечи из закалённой стали с ритуальными насечками, три копья с наконечниками из обсидиана на каждого, и главное — небольшие флаги с «жидким светом», зельем, сваренным из светлячков, росы, собранной на вершинах гор в полнолуние, и нескольких капель крови самой воительницы.

Они быстро принялись за дело.

Эльдис разделила отряд на четыре тройки. Первая, под её собственным командованием, заняла северные ворота — главное направление, откуда двигалась основная масса тварей. Вторая удерживала южный рынок, где укрывались десятки мирных жителей. Третья патрулировала центральную улицу, не давая теням отрезать группы друг от друга. Чет-

вёртая, самая молодая, была отправлена на крыши — оттуда лучницы могли прикрывать всех остальных, стреляя серебряными болтами из арбалетов.

Битва завязалась мгновенно и была жестокой, как любая схватка между светом и тьмой. Девушки сражались изо всех сил, используя каждый приём, каждое движение, каждое дыхание, которым их обучили старшие наставники за долгие годы изнурительных тренировок. Это был не просто бой — это был танец, древний, как сам мир, танец клинков против теней, в котором каждый шаг, каждый взмах, каждый выпад должен был быть идеальным, ибо цена ошибки — не просто рана или смерть, но вечное забвение, растворение в той самой пустоте, которую твари несли с собой.

Они махали мечами и копьями налево и направо, но не хаотично, как новобранцы, а выверено, экономя силы. Каждый удар был точен. Лезвия, покрытые серебряным напылением, рассекали полупрозрачные тела тварей, и те вскрикивали — звук был похож на скрежет ржавого металла по стеклу, по полам с предсмертным воем раненого зверя. Из ран вытекала не кровь, а густая чёрная субстанция, которая шипела на камнях мостовой, оставляя глубокие выжженные отметины.

Но мечи и копья были лишь половиной их арсенала. Когда тварей становилось слишком много — десять, двадцать,

тридцать — воительницы использовали то, что делало их настоящими воительницами, а не просто отличными фехтовальщицами. Они использовали мощные сильные заклинания, вплетённые в ткань их существования с самого детства.

Эльдис, стоя в центре северной площади, подняла левую руку, и между её пальцами загорелся холодный белый огонь. Она прошептала формулу — древние слова, смысл которых был утерян ещё тысячу лет назад, но сила осталась. Вспышка! Слепящий свет ударил во все стороны, и дюжина теней, ближайших к ней, просто рассыпалась, как сухие листья под порывом ветра. Другие твари, даже не задетые напрямую, зашатались, потеряли ориентацию, их светящиеся глаза погасли на секунду-другую — и этого хватило. Мечи воительниц тут же нашли свои цели.

Заклинания сбивали тварей с ног, оглушали, заставляли их терять связь с пространством — и они, будучи потерянными, дезориентированными, легко становились жертвой стали. Одна из воительниц, юная Лира, которой едва минуло семнадцать лет, использовала заклинание «Сплетение теней» — она на мгновение подчинила себе собственную тень, заставив её вытянуться и накрыть трёх тварей, словно чёрным саваном. В этом искусственном мраке монстры, привыкшие к родной стихии, вдруг запаниковали, начали биться друг о друга, а Лира, сделав три быстрых шага, просто перерезала им то, что у них было вместо горла.

Тем не менее, битва была довольно ожесточённой и на-

пряжённой. К полуночи двое воительниц были ранены: одна потеряла левый глаз — тварь ударила когтистой лапой прежде, чем девушка успела закрыться щитом; у другой была раздроблена ключица — её отбросило взрывной волной от заклинания, которое она сама же и сотворила, но не рассчитала силу. Ещё трое были серьёзно истощены, потратив почти весь запас магической энергии. Но они не отступали. Их воспитали не сдаваться. Их учили добиваться цели любой ценой — даже если этой ценой будет их собственная жизнь.

Эльдис, чей меч уже покрылся чёрной слизью от дюжины поверженных врагов, крикнула хриплым голосом: «Держите линию! Рассвет близко! Я вижу серую полосу на востоке!» И это придало сил. Девушки сжали зубы, поправили окровавленные повязки на ранах и продолжили рубить, колоть, жечь, взрывать.

И вот, когда первые лучи солнца — того самого жёлто-оранжевого светила — показались на горизонте, окрасив небо в розовые, золотые и багровые тона, существа начали отступать. Они не бежали в панике, как можно было бы подумать; они именно отступали, сохраняя порядок, что было ещё страшнее. Тени сворачивались, сжимались в маленькие пульсирующие точки и проваливались сквозь землю, сквозь стены, сквозь любую поверхность, куда падал хотя бы намёк

на тьму. За несколько мгновений улицы опустели. Остались только выжженные отметины на булыжниках, трупы — нет, не трупы, а именно прах — тех несчастных, кто не успел укрыться, и двенадцать измученных, но живых воительниц.

В этот раз теньям не удалось поживиться богатой добычей. Вместо трёхсот или четырёхсот жертв, на которых они, судя по всему, рассчитывали, им досталось лишь двадцать три смельчака-самоубийцы и ещё около полусотни тех, кто умер от разрыва сердца, просто увидев тварей вблизи. Основная масса жителей Каменных Ключей уцелела благодаря воительницам.

Девушки одержали победу. Их оружие было обагрено кровью врагов — если, конечно, чёрную смолянистую жидкость можно было назвать кровью. Они стояли на площади, тяжело дыша, опираясь друг на друга, кто-то плакал от усталости и боли, кто-то тихо смеялся — нервно, на грани истерики. Эльдис обошла каждую, проверила раны, наложила простейшие целительские повязки (серьёзное лечение можно было начать только в монастыре), и только потом позволила себе опуститься на ступени старого фонтана в центре площади.

Но они знали. Они знали это так же верно, как то, что солнце встаёт на востоке и садится на западе. Они победили в сражении, но не в войне. Твари отступили, но не исчезли. Они зализали раны в своих теневых убежищах, восстановили численность (а размножались они делением, как некото-

рые амёбы, но в сотни раз быстрее) и ждали следующей ночи. И следующей. И вечности.

И пока есть хотя бы одно существо, с которым нужно сражаться, они будут сражаться. Это была не бравада и не пафосная клятва. Это была простая констатация факта, такая же естественная, как дыхание. Девушки продолжали оттачивать свои навыки и затачивать клинки, всегда готовые к следующему бою. Они чистили оружие, перевязывали раны, учились на ошибках этой ночи и строили планы на будущее.

И однажды, говорили они себе (иногда вслух, чаще — в мыслях, чтобы не сглазить), они одержат победу. Раз и навсегда. Загонят монстров обратно во тьму, где им и место — туда, откуда они пришли, в ту самую изнанку бытия, где нет ни света, ни надежды, ни памяти. И запечатают проходы так, что ни одна тень больше никогда не посмеет выползти на поверхность.

Но по прошествии дней, недель, месяцев и лет — время в мире Основание текло странно, иногда сжимаясь, иногда растягиваясь, словно само не было уверено в своей реальности — воительницы стали замечать, что в их мире происходит что-то неладное. Сначала это были мелкие, почти незаметные детали: тени деревьев начинали шевелиться в безветренную погоду; в полдень, когда солнце стояло в зените

и, казалось, не должно было быть ни единого тёмного угла, вдруг возникали чёрные пятна, которых никто не помнил. Потом стало хуже.

Существа, которых они привыкли убивать десятками за ночь, становились мощнее. Их зубы удлинялись, глаза начинали светиться даже днём, а их полупрозрачные тела обретали почти металлическую твёрдость. Мечи, которые раньше рассекали их как масло, теперь оставляли лишь неглубокие царапины. Хуже того, твари становились хитрее. Они перестали нападать лобовыми массами, как делали раньше. Теперь они устраивали засады, имитировали отступление, чтобы заманить воительниц в ловушку, использовали тактику «кнута и пряника» — отпугивали группу в одну сторону, чтобы напасть на беззащитную деревню с другой.

И их стало больше. Намного больше. Если раньше за ночь воительницы отбивали атаки двух-трёх десятков теней, то теперь их были сотни. Они лезли из каждой трещины в мостовой, из каждого подвала, из-под каждой кровати. Казалось, сам воздух начал сгущаться и принимать уродливые формы. Гарнизоны воительниц, разбросанные по всему миру, несли потери, каких не было за последние сто лет. Монастырь Ветреный Пик потерял за один месяц тридцать семь обученных бойцов — больше, чем за предыдущее десятилетие.

И тогда воительницы поняли то, что страшились признать даже в самых глубоких уголках своих закалённых сердец: в

одинокую им не справиться. Их система, веками оттачиваемая система изолированных отрядов, действующих автономно, дала трещину. Им нужна была помощь. Им нужны были другие люди — не обязательно такие же обученные с рождения, но разделявшие их страсть к защите мира, готовые учиться, сражаться и, если понадобится, умирать. Им нужны были союзники.

Итак, Верховный Совет воительниц — пять самых старых и мудрых, включая саму Айрин, которой к тому времени исполнилось уже за сто двадцать лет, хотя никто не знал точной цифры — принял беспрецедентное решение. Они выпустили старую гарнизонную систему и отправили всех боевых воительниц в Великий Поход. Задача была проста и чудовищно сложна одновременно: найти в этом огромном, раздробленном, охваченном страхом и недоверием мире других воинов — мужчин, женщин, стариков, подростков, неважно, — которые уже сражаются с теньевыми тварями или готовы научиться.

Девушки отправились в путь. Они путешествовали долго — целый год, если мерить по солнечным циклам, хотя из-за искажений времени никто не мог сказать наверняка. Они прошли через всю страну, которую называли Срединные Земли — от северных ледяных пустошей, где даже летом

не таял снег, до южных солончаков, где вода стояла дороже золота. Они пересекли коварные леса Древней Чащи, где деревья двигались и говорили шёпотом на языке, от которого кровь стыла в жилах, а в воздухе пахло гнилью и древней магией.

Они преодолели опасные горы, кишевшие не только теневыми тварями (теперь они водились даже на высоте, где воздух был разрежён настолько, что обычный человек задыхался), но и отчаявшимися негодьями — разбойниками, дезертирами, бандами изгоев, которые потеряли всё и не боялись ничего. Однажды отряд воительниц попал в засаду в узком ущелье, где на них сверху сбросили валуны. Погибло три девушки, а командир отряда, суровая Берта, потеряла правую руку по локоть — но остатки отряда всё равно вырезали всех двадцать разбойников до единого. «Мы не звери, — сказала тогда Берта, глядя на кровавое месиво у своих ног, — но мы умеем быть хуже зверей, когда надо».

На этом пути они встречали множество других опасностей: ядовитых тварей, не связанных с тенями, но от того не менее смертоносных; природные катаклизмы — землетрясения, наводнения, пожары, которые в мире Основание случались всё чаще, словно сама земля чувствовала приближение чего-то необратимого; и, самое страшное, — ловушки, расставленные тенями специально для воительниц. Твари научились имитировать сигналы бедствия, крики о помощи, даже голоса погибших подруг. Несколько воительниц попла-

тились жизнями, бросившись на такие ложные призывы.

Но они никогда не теряли из виду свою главную цель. Каждая ночь, каждый бой, каждая смерть приближали их к ответу на вопрос: есть ли в этом мире кто-то ещё, кто не сломлен, кто не спрятался за стенами и не молится бесполезным богам, а готов взять в руки оружие и сражаться?

В конце концов они нашли то, что искали. Это случилось в одной из небольших деревень на восточной окраине Средних Земель — месте под названием Тихое Болото, которое на самом деле вовсе не было тихим, ибо болото постоянно чавкало, булькало и издавало странные, необъяснимые звуки. Но именно там, в этом забытом богами и людьми месте, воительницы столкнулись с группой воинов, которые тоже сражались против теней. Их было около тридцати человек — мужчины и женщины разного возраста, от подростков до седых стариков, одетые в самодельную броню из кожи и костей, вооружённые кто чем — старыми мечами, косами, даже обычными дубинами с вбитыми в них серебряными гвоздями.

Их лидером был человек по имени Корвин, бывший кузнец, потерявший в первую ночь нашествия всю семью — жену и троих детей. Он не был обучен магии, не владел никакими особыми техниками, но он обладал тем, что воитель-

ницы ценили превыше всего: нестигаемой волей и полным отсутствием страха смерти. «Я уже умер той ночью, — говорил он спокойно, глядя прямо в глаза Верховной Наставнице Айрин, когда они впервые встретились. — Всё, что я делаю сейчас, — это просто дарю своим мертвецам право сказать, что их отец не сдался».

Воины из Тихого Болота поделились с девушками своим видением проблемы. Они не знали древних заклинаний, не умели видеть пульсирующие тени, но они разработали свою собственную тактику: засады, отравленные стрелы (яд из корней болотного растения, который, как выяснилось, разъедал тела теней не хуже серебра), ложные деревни-приманки, куда твари заходили и откуда не выходили. Их знания были примитивны, но эффективны. А главное, они разделяли с воительницами главное: решимость защитить свой мир от существ, угрожающих ему. Не ради награды, не ради славы, а просто потому что больше никому.

Вместе с ними девушки сформировали мощный союз. Это произошло на рассвете, после трёхдневных переговоров, споров, а иногда и откровенных ссор — ибо воительницы привыкли к железной дисциплине, а отряд Корвина был скорее вольной дружиной, где каждый делал что хотел. Но в конце концов они нашли общий язык. Они вместе тренировались: воительницы учили своих новых союзников правильным стойкам, ударам, заклинаниям первой ступени, а те, в свою очередь, делились тактическими хитростями и

знанием местности.

Они вместе сражались. Первая совместная битва произошла через две недели, когда на Тихое Болото напала стая из пятидесяти теней. Потери были — пятеро убитых, двенадцать раненых, — но тварей уничтожили всех до единой. Впервые за долгие месяцы воительницы увидели не просто отступление противника, а полное, тотальное уничтожение. Они танцевали на пепелище, обнимались с незнакомцами, плакали от радости. И делились друг с другом своими знаниями и навыками — без остатка, без ревности, без мысли о том, что кто-то может стать сильнее и забрать себе чужую славу.

Они стали силой, с которой нужно считаться. Слухи о новом союзе разлетелись по всему миру со скоростью лесного пожара. В отряд начали стекаться добровольцы — не только отчаявшиеся одиночки, но и целые группы выживших, которые до этого прятались в пещерах и подземельях. За год численность союза выросла до пятисот человек. Ещё через год — до двух тысяч. Они построили укреплённый лагерь на месте старого монастыря Ветреный Пик, расширили стены, создали кузницы, тренировочные поля, склады оружия и продовольствия.

И вскоре существа научились их бояться. Твари, которые раньше нападали каждую ночь, теперь избегали районов, где базировался союз. Разведка доносила, что тени стали собираться в крупные стаи, уходить в самые тёмные, самые глу-

хие уголки мира, чтобы там, в безопасности, копить силы. Это была не победа, но это была передышка — первый вздох свободы за долгие годы.

С каждой битвой воины становились сильнее и опытнее. Молодые новобранцы, которые пришли в союз с единственным желанием отомстить, превращались в закалённых ветеранов, способных одним взглядом оценить обстановку на поле боя и принять правильное решение за долю секунды. Они разработали новые тактики и стратегии, чтобы победить своих врагов. Уже не просто «бежать и рубить» — теперь у них были карты расположения теневых гнёзд, анализ патрулей тварей, сложные планы атак с использованием ложных отступлений, фланговых ударов, магических барьеров и артиллерии — огромных баллист, стрелявших серебряными болтами размером с человеческую руку.

И они никогда не теряли надежды, что однажды одержат победу. Эта надежда стала их религией, их единственным богом в мире, где старые боги молчали или умерли. Они шептали её перед сном, кричали в атаке, нашивали на знамёна. «Мы победим, или мы умрём, но мы не отступим» — этот девиз был вырезан на воротах лагеря, на каждом мече, на каждой пряжке ремня.

И наконец, после многих долгих лет борьбы — точных

цифр никто не вёл, ибо время потеряло смысл, но старейшины говорили о семи, десяти, а может, и пятнадцати годах — этот день настал. Разведка союза обнаружила главную цитадель теней. Она располагалась в одном из городов, покинутом людьми много десятилетий назад. Город назывался Мёртвый Вереск, и о нём ходили легенды, от которых волосы вставали дыбом. Говорили, что твари убили всех его жителей за одну ночь, но не съели и не уничтожили — а сохранили. Тела стояли на улицах, сидели на стульях в домах, лежали на кроватях, будто просто уснули. Но у них не было лиц. Гладкие, пустые овалы кожи там, где должны были быть глаза, нос, рот. И эти безликие стражи, как их называли, двигались, когда никто не смотрел.

Цитадель располагалась в бывшем королевском дворце в центре города. Тени превратили его в своё логово, вытесав из мрамора и золота чудовищные алтари, на которых приносили в жертву не кровь, а воспоминания. Стены дворца пульсировали чернотой, и любой, кто подходил слишком близко, слышал шёпот — тысячи голосов, умоляющих, плачущих, проклинающих, зовущих по именам.

Совет союза принял решение: массированная атака. Все две тысячи бойцов, все запасы серебра, все магические артефакты, все флаги с «жидким светом» — всё, что у них было, шло в бой. Не останется никого в резерве, никого в тылу. Или они уничтожат цитадель, или твари уничтожат их — третьего не дано.

Бой был долгим и трудным — таким, о котором потом слагали легенды, но никто, кто там был, не хотел их вспоминать. Он начался на закате, когда тени наиболее сильны, и продолжался всю ночь, весь следующий день, ещё одну ночь и закончился только на рассвете второго дня. Сорок восемь часов непрерывной резни, магии, криков, слёз и крови — человеческой и чёрной, теневой.

Первая линия атаки прорвалась к стенам города Мёртвый Вереск за два часа, но потеряла треть состава. Безликие стражи оказались не просто манекенами — они двигались со сверхъестественной скоростью, хватали бойцов и прижимали к своим гладким лицам, и через секунду у жертвы тоже исчезали черты, и она присоединялась к армии мертвецов. Против них применили заклинание «Истинный свет», которое использовали только в самых крайних случаях, ибо оно высасывало жизнь из самого мага. Семь лучших магичек отдали свои жизни, чтобы создать полусферу чистого света, которая испепелила безликих в радиусе километра.

Затем начался штурм дворца. Тени оборонялись отчаянно, понимая, что речь идёт об их существовании. Они лезли из каждой щели, из каждого зеркала (в Мёртвом Вереске все зеркала были целы, и в каждом жила своя маленькая тень), падали с потолка, вырывались из-под пола. Бой шёл за

каждую комнату, за каждую лестницу, за каждый сантиметр мраморного пола.

Корвин погиб на шестом часу штурма, прикрывая отход раненых. Он стоял в дверном проёме с двумя мечами, пока тридцать бойцов уходили вниз, и рубил, рубил, рубил, пока твари не сожрали его заживо. Его последними словами были: «Скажите Эльдис... пусть... танцует...» (Эльдис, старая воительница из первой битвы в Каменных Ключах, к тому времени уже три года была мертва — умерла от ран, полученных в предыдущей кампании).

Сама Айрин, Верховная Наставница, которой было уже за сто сорок, лично возглавила последний штурм тронного зала, где находилось сердце цитадели — огромный пульсирующий сгусток чистой тьмы, размером с дом. Она использовала заклинание, которое запрещено было даже произносить вслух — «Разрыв», которое разрывает ткань реальности. Она вложила в него всю свою жизнь, все свои воспоминания, всю свою душу. Заклинание сработало. Сгусток тьмы схлопнулся, разлетелся миллионом осколков, которые тут же испарились в утреннем свете. Но сама Айрин рассыпалась в прах в тот же миг, даже не успев улыбнуться.

И в итоге, когда последняя тень испустила последний предсмертный вопль и растворилась в воздухе, воины вышли победителями. Из двух тысяч бойцов, начавших штурм, в живых осталось чуть больше трёхсот. Большинство из них были тяжело ранены, искалечены, лишились рук, ног, глаз,

рассудка. Но они стояли на руинах дворца, смотрели на восходящее солнце и знали: существа побеждены. Цитадель разрушена. И мир снова был в безопасности.

Воины вернулись домой героями. В каждом городе, в каждой деревне, куда они приходили, их встречали толпы ликующих людей. Им бросали под ноги цветы, дети бежали за ними следом, выкрикивая их имена, старики плакали и благословляли. Те немногие выжившие командиры получили титулы, земли, золото — всё, что мог предложить благодарный, но такой же бедный, разорённый войной мир. В столице Срединных Земель им поставили памятник — огромную статую девушки с мечом, попирающей тeneвую тварь. На постаменте выбили имена всех павших — список занял триста метров.

Но победа оказалась горькой. Горькой, как полынь, как несмываемая кровь под ногтями. Шрамы битвы были очень глубокими — не только на теле, но и в душе, в самой сути каждого, кто прошёл через это. Физические раны заживали: маги-целители сделали всё возможное, и даже те, кто потерял конечности, получили протезы из серебра и стали, почти не уступавшие настоящим. Но моральные раны... они не заживали никогда.

Они потеряли друзей. Людей, с которыми делили хлеб и

кров, с которыми смеялись на привалах и плакали над телами павших. Каждый выживший нёс в себе список имён — десятки, сотни имён — тех, кто не вернулся. Корвин, Айрин, Эльдис, Берта (которая, несмотря на потерю руки, дожила до финальной битвы и погибла в первых рядах, размахивая мечом в здоровой руке), юная Лира, та самая, что в семнадцать лет впервые применила «Сплетение теней» — она погибла под Мёртвым Вереском, прикрывая отступление раненых, и её тело так и не нашли.

И воспоминания об ужасах, свидетелями которых они стали, преследовали их вечно. Ночью, когда они закрывали глаза, перед ними вставали безликие стражи, тянули свои гладкие руки; они слышали крики умирающих, видели, как тени высасывают души из ещё живых людей, чувствовали запах горелой плоти и чёрной слизи. Они просыпались в холодном поту, сжимая воображаемые мечи, и часами не могли заснуть снова.

Пытаясь вернуться к своей нормальной жизни, они обнаружили, что никогда не смогут по-настоящему избежать тени существ. Тени — не тех, что они победили, а тех, что остались в их собственных сердцах. Они видели лица монстров в каждом тёмном углу, слышали их крики в каждом порыве ветра, в каждой скрипе половицы. Обычные люди, которые не были на войне, не могли их понять. «Но война же кончилась, — говорили они. — Чего вы боитесь? Теней больше нет». И воины не могли объяснить, что главная тень

теперь живёт внутри них.

Воины пытались найти утешение в обществе друг друга. Они собирались в маленькие группы, пили горькое пиво в тавернах, рассказывали старые истории, смеялись над давними шутками, которые никто, кроме них, не понимал. Иногда это помогало — на час, на два, на целый вечер. Но этого было мало. Пустота внутри была слишком велика, чтобы заполнить её чужим теплом.

Часть из них обратилась к алкоголю, чтобы заглушить боль. Сначала просто кружка-другая за ужином, потом кувшин, потом несколько кувшинов в день. Они пили ячменное пиво, крепкие настойки на травах, чистый спирт, который использовали для обработки ран, — всё, что горело и туманило сознание. Но от этого становилось только хуже. Алкоголь не убивал воспоминания, он лишь делал их более размытыми, но при этом более липкими, более назойливыми. А наутро похмелье приносило с собой новую волну стыда и отвращения к себе.

Другие искали утешения в запретных ритуалах. Некоторые пробовали призвать тени обратно — не врагов, а тех, кого потеряли, — и впадали в безумие, когда из круга выходили не лица друзей, а всё те же безликие маски. Третьи просто уходили в себя, переставали разговаривать, переста-

вали есть, переставали выходить из дома. Их глаза становились пустыми, как у тех самых безликих стражей, и никто не знал, как вернуть их обратно.

Один за другим воины начали погибать. Некоторые покончили с собой, не в силах больше нести тяжесть своей травмы. Они вешались на тех самых стенах, которые когда-то защищали, топились в реках, вскрывали вены старыми боевыми ножами. Их находили с письмами, в которых было всего несколько слов: *«Простите. Я больше не могу»*.

Другие просто пропадали. Исчезали в одну ночь, оставляя после себя пустые комнаты и нераспечатанные награды. Они не могли взглянуть в лицо миру, за защиту которого так упорно сражались. Возможно, они становились отшельниками и уходили в монастыри, расположенные на окраинах государства, где тишина и одиночество были единственными лекарствами. А кто просто уезжал в другие страны — за море, за горы, за пределы известного мира, надеясь, что смена места изменит и то, что у них внутри.

Никто точно этого так и не смог выяснить. И, возможно, никто особенно не старался. Мир, который они спасли, оказался благодарным, но не любопытным. Живые спешили жить дальше, а мёртвые — и те, кто ушёл добровольно, и те, кто был убит теньями, — быстро становились просто именами на длинном списке у подножия статуи.

В конце концов, остались лишь единицы. Их можно было пересчитать по пальцам одной руки. Пять человек из двух тысяч. Пять живых, дышащих, более или менее здоровых рассудком воинов, которые не сдались, не спились, не повесились и не ушли в монастыри. Они были сломлены — да, безусловно. Каждый нёс на себе груз потерь, который мог бы раздавить десяток обычных людей. Их тела были изранены, их души — истерзаны. Но они не сдавались.

Они жили в небольшом доме на окраине бывшего монастыря Ветреный Пик, который после битвы превратился в мемориал. Каждое утро они вставали, делали зарядку — старые боевые упражнения, въевшиеся в мышечную память, — завтракали кашей и сушёным мясом, а потом расходились по своим делам. Один чинил крышу, другой возился в небольшом огороде, третий точил мечи — на всякий случай, хотя теней не видели уже много лет. По вечерам они сидели у камина, молчали или обменивались редкими фразами. Им не нужно было много слов — они понимали друг друга без них.

Они знали, что их миру всегда будут угрожать новые угрозы. Не обязательно тени — возможно, что-то другое, неизвестное, ещё более страшное. Мир Основания был хрупким, и трещины в его реальности могли выпустить наружу что угодно.

И они были полны решимости встретить эти угрозы лицом к лицу. Не потому, что хотели геройствовать. Не пото-

му, что ждали награды или славы. А просто потому, что не умели иначе. Война стала их домом, а битва — единственным языком, на котором они могли говорить с миром.

Но когда они смотрели на мир, за спасение которого они так упорно боролись — на мир, который уже почти забыл о тенях, который строил новые дома, растил детей, торговал на ярмарках и ссорился из-за мелочей, — они не могли не задаться вопросом, стоило ли оно того.

Стоило ли жертвовать всем, что у них было: своей юностью, своими близкими, своим здоровьем, своей способностью радоваться простым вещам, своим душевным покоем — ради мира, который никогда не станет по-настоящему безопасным?

Это был тяжёлый вопрос. Они задавали его себе каждую ночь, глядя на огонь в камине. И каждый раз ответ был разным.

Иногда казалось, что да, стоило. Что каждая спасённая жизнь, каждый ребёнок, который вырос и никогда не видел теней, каждый старик, умерший в своей постели, а не на клыках монстров, — это оправдание всех жертв.

В другие ночи ответ был «нет». Что они отдали всё, а получили лишь тишину и пустоту. Что мир оказался неблагоприятным и быстро забывающим. Что, возможно, было бы луч-

ше, если бы они просто ушли в тень вместе с теми, кого защищали.

Это покажет только время. Время, которое в мире Основания текло всё так же странно: то ускоряясь, то замедляясь, словно само не знало, куда двигаться. Возможно, через сотню лет от воительниц не останется даже памяти — только статуя на площади, которую никто не помнит, зачем поставили.

А возможно, их история станет легендой, которую будут рассказывать детям у костра, и в этой легенде не будет ни алкоголизма, ни самоубийств, ни пустых глаз — только подвиги, слава и счастливый конец...

Но пятеро выживших, сидящих у камина в старом монастыре, знали правду. И молчали. Потому что некоторые истины нельзя произносить вслух — они могут разрушить даже тот хрупкий мир, который ты спас ценой всего, что у тебя было.

За окном вставало солнце. Тени, настоящие, обычные тени от деревьев и домов, удлинялись и укорачивались, следуя за светом. И в этом не было ничего странного или страшного. Впервые за долгие-долгие годы.

Но воины всё равно держали мечи под рукой.

На всякий случай.

Казань, май 2023

Путешествие в тёмный лес

Однажды Медвежонок и его друзья отправились в новое путешествие по Тёмному лесу. Утро начиналось как обычно: солнце пробивалось сквозь кроны деревьев, птицы пели свои незамысловатые песни, а Медвежонок, как всегда, думал о горшочке мёда, который остался у него в кладовке. Но едва они переступили знакомую тропинку, ведущую к ручью, как нечто неуловимо изменилось.

Лес, который они знали с детства, вдруг стал чужим. Воздух, прежде пахнувший хвоей, земляникой и мокрой корой, теперь отдавал затхлостью и чем-то металлическим, словно перед грозой. Но гроза не собиралась. Небо оставалось ясным, однако солнечные лучи, пробиваясь сквозь листву, почему-то не согревали. Они ложились на землю бледными, болезненными пятнами.

Что-то тёмное и зловещее довлело над ними. Что-то, что заставило даже самых храбрых из них трепетать от страха. Хрюндик, обычно семенивший впереди всех и радостно повизгивавший, теперь прижимался к ноге Медвежонка. Ушастик, вечно деловитый и суетливый, то и дело поправлял очки дрожащими лапами и оглядывался через плечо. Даже Грустик, привыкший к вечной тоске, вдруг замолчал и перестал жаловаться на свой хвост — настолько сильным было новое, незнакомое чувство, сдавившее его ослиное сердце.

— Медвежонок, — прошептал Хрюндик, едва шевеля розовым пяточком. — Мне кажется, или кто-то смотрит на нас из-за тех кустов?

— Тебе кажется, Хрюндик, — ответил Медвежонок, хотя сам вовсе не был в этом уверен. Он даже на мгновение пожалел, что не взял с собой второй горшочек мёда — для храбрости. — Но чтобы убедиться, давай не будем смотреть в ту сторону.

Однако совет оказался бесполезным. Потому что, когда они попытались не смотреть, их глаза сами собой, словно подчиняясь чужой воле, повернулись к зарослям папоротника. И там, среди зелёных стеблей, им показалось, что кто-то шевелится. Тень без тела. Движение без звука.

По мере того, как они углублялись в чащу, воздух становился плотнее, словно его заменили киселём. Дышать делалось труднее, а каждый шаг давался с усилием, будто невидимые руки тянули их назад. Воздух наполнялся ощущением ужаса — не громкого, не панического, а того, тихого и липкого, который проникает в душу медленно, как холодная вода в сапог.

Деревья искривлялись. Ветви, которые раньше дружелюбно протягивались к путникам, теперь вытягивались, как скрюченные пальцы древних старух, готовые схватить, сжать и не отпустить. Берёзы, обычно белые и стройные, покрылись чёрными пятнами, похожими на проказу. Дубы, гордые и вековые, сгибались под тяжестью собственных крон, слов-

но кланялись невидимому властелину тьмы.

— Мне это не нравится, — сказал Ушастик, остановившись и уперев лапы в бока. — Я знаю здесь каждую нору, каждую кочку. Но сейчас... сейчас я не узнаю ни одного дерева. Мы не туда свернули?

— Мы свернули туда, куда свернули, — философски заметил Медвежонок, хотя его голос дрожал. — Вопрос в том, почему лес решил свернуть вместе с нами.

Их пугал не только искривлённый лес. Станный шёпот, эхом разносившийся по подлеску, заставлял шерсть подниматься дыбом. Он доносился отовсюду и ниоткуда одновременно. Это было не одно слово и не одна фраза, а тысячи голосов, перешёптывающихся между собой на языке, которого никто из друзей никогда не слышал. Иногда шёпот становился громче, и тогда в нём можно было различить отдельные звуки — шипение, треск, влажный чавкающий звук, от которого у Хрюндика подкашивались ноги.

Кроме того, им мерещились пляшущие тени. Тени, которые не отбрасывались ни деревьями, ни облаками, ни ими самими. Они скользили по земле, поднимались по стволам, сворачивались в спирали и снова распадались, словно живые существа, играющие в дьявольские жмурки. И в этих тенях угадывались очертания — длинные когтистые пальцы, пасти, полные игольчатых зубов, глаза, горящие красным и зелёным. Но стоило Медвежонку или Ушастiku повернуть голову, как тени замирали, превращаясь в обычные пятна све-

та и тьмы.

— Это тени чего-то, что мы никак не можем увидеть, — прошептал Грустик своим скорбным голосом. — Это самое страшное, Медвежонок. Не знать, чего именно боишься. Тогда воображение дорисовывает такое, по сравнению с чем реальность покажется цветущим лугом.

— Грустик, ты нас совсем не успокаиваешь, — простонал Хрюндик, прячась за спину медвежонка.

Медвежонок, собрав всю свою медвежью решимость, протянул лапу и сжал крошечное копытце поросёнка.

— Мы вместе, Хрюндик, — сказал он. — А когда мы вместе, даже самая страшная тень остаётся просто тенью. Правда? — добавил он не очень уверенно.

Никто ему не ответил.

На одной из полян, залитой странным, желтоватым светом, не имеющим источника, они обнаружили нечто, заставившее их забыть о страхе — но лишь для того, чтобы тут же испытать новый, более глубокий ужас.

Посреди поляны, на пьедестале из чёрного, словно обсидиан, камня, лежала книга. Но это была не та книга, которую можно найти в библиотеке Уизл или на полке у Ушастика. Её переплёт был сделан из грубой, тёмно-коричневой кожи, которая не походила на кожу ни одного известного им животного. На ощупь она была холодной и влажной, как змеиная чешуя после дождя. Углы переплёта были окованы по-

черневшим металлом, на котором угадывались символы — не буквы, а какие-то знаки, похожие на пауков, застывших в предсмертной судороге.

— Что это? — выдохнул Ушастик, подходя ближе. Обычно он первым бросался рассматривать любые находки, но сейчас его лапы дрожали так сильно, что он не решался прикоснуться.

— Это... это книга, — неуверенно сказал Медвежонок, который умел читать только названия горшочков с мёдом. — Очень старая книга.

— Старая? — фыркнула Уизл, до этого молчавшая и лишь хлопавшая глазами. Она считалась самой умной в лесу, но сейчас её голос звучал непривычно высоко и испуганно. — Медвежонок, это не просто старая. Это... древняя. И язык! Я знаю двенадцать языков леса, включая язык воронов и диалект полевых мышей. Но то, что написано здесь... я никогда не видела ничего подобного.

Она перелистнула страницу дрожащим крылом. Страницы были сделаны не из бумаги — из тончайшего пергамента, почти прозрачного, на котором проступали прожилки, как на высохшем листе. И текст на них не был написан чернилами.

Он был выжжен. Или, возможно, выцарапан чем-то острым и неровным, так что буквы выглядели как шрамы на живой плоти.

По мере того, как они перелистывали страницы, воздух

вокруг сгущался. Шёпот за спиной становился отчётливее, и теперь можно было разобрать отдельные слова. Слова на языке, который Уизл не могла перевести, но который почему-то понимал каждый из них. «Приди». «Открой». «Оставь надежду». «Кровь». «Плоть». «Душа».

С растущим ужасом они поняли, что книга содержит запретное знание — то знание, которое должно было оставаться скрытым от глаз смертных.

Рисунки на полях изображали ритуалы, которые невозможно описать без содрогания: фигуры в капюшонах, склонившиеся над алтарями; существа с головами зверей и телами людей; круги, начертанные чем-то, что не было мелом или углём.

— Нам не следовало это открывать, — прошептал Грустик, и впервые в его голосе прозвучала не привычная тоска, а настоящая, живая паника. — Это не для нас. Это не для живых.

— Закрой книгу, Уизл! — крикнул Хрюндик. — Закрой её сейчас же!

Но было уже слишком поздно.

Книга пробудила в лесу нечто древнее, дремавшее веками под корнями самых старых деревьев, в тех глубинах, куда не проникает свет и где время течёт иначе.

Нечто, что помнило ещё тех, кто жил в Тёмном лесу до того, как он получил своё название. До того, как здесь по-

явились тропинки. До того, как Медвежонок впервые задумался о мёде.

А теперь это нечто проснулось. Оно не имело формы и имело все формы одновременно. Оно было в шелесте листьев, в треске веток, в холодном ветре, который вдруг подул с востока, хотя восток был в другой стороне. Оно жаждало. Оно было голодно. И его голод не мог утолить ни мёд, ни морковка, ни чертополох.

Оно жаждало душ живых.

Земля под ногами дрогнула. Из трещин в почве повалил дым — не чёрный и не белый, а какой-то серо-зелёный, пахнущий плесенью и старыми костями. Шёпот превратился в вой. Тени перестали плясать и выстроились в ряды, как армия перед битвой.

Медвежонок и его друзья оказались в тугой паутине тёмной магии и потусторонних ужасов. Воздух стал липким, как патока, и каждый вдох требовал усилий. Вокруг них из земли начали пробиваться корни — не обычные корни, а тонкие, червеобразные отростки, которые шевелились, словно щупальца, и тянулись к их ногам.

— Бежим! — крикнул Ушастик, но его голос потонул в общем грохоте.

Бежать было некуда. Лес сомкнулся за их спинами, превратив тропинку в стену из переплетённых ветвей и колючек. Единственный путь вёл вперёд — туда, где тьма была гуще и где сердце тьмы билось в такт с их собственными серд-

цами.

Из теней выползли твари. Невозможно точно описать, как они выглядели, потому что их облик менялся каждое мгновение. Сначала они напоминали огромных пауков с глазами, горящими в темноте. Затем — волков без шерсти, с кожей, покрытой слизью. Затем — нечто среднее между тем и другим, дополненное когтями длиной в лапу Медвежонок и рядами зубов, расположенных в три-четыре яруса.

Медвежонок, собрав всю свою волю, шагнул вперёд. У него не было меча или лука. У него не было магии или воинской доблести. У него был только он сам — маленький медвежонок с любовью к мёду и верой в своих друзей.

— Стойте! — крикнул он тварям. — Мы не хотим с вами драться! Мы просто заблудились и хотим вернуться домой!

Одна из тварей ответила ему смехом — сухим, трескучим звуком, похожим на ломающиеся ветки.

— *Домой, —* прошелестела она. — *Нет дома. Есть только лес. Есть только ночь. Есть только мы.*

И она прыгнула.

Медвежонок увернулся в последнее мгновение, чувствуя, как когти проносятся в миллиметре от его уха. Хрюндик, закрыв глаза, бросился на помощь и со всего размаху врезался в тварь, сбив её с лап. Тварь взвыла, развернулась и уже хотела схватить поросёнка, но тут Грустик который обычно избегал любых конфликтов, заступил ей дорогу. Он не атако-

вал. Он просто посмотрел на неё своими большими, печальными, бездонными глазами — и в них было столько вековой тоски, что тварь на мгновение замерла.

— Тебе не кажется, — сказал Грустик своим медленным, скорбным голосом, — что мы все и так достаточно страдаем? Зачем добавлять к этому ещё больше?

Тварь замешкалась. И этого замешательства хватило Ушастике, чтобы подбежать сзади и со всей силы ударить её... морковкой. Это звучало смешно, но морковка была крепкой, удар пришёлся в чувствительное место (если у тварей вообще есть чувствительные места), и тварь с воем рассыпалась на сотню мелких теней, которые тут же впитались в землю.

Они доблестно сражались в силу своих возможностей. Уизл сверху обрушивала на врагов град книг, которые всегда носила с собой в сумке. Ушастик метал морковки и редиски с точностью, которой мог бы позавидовать любой лучник. Грустик использовал свой хвост как кнут (и впервые в жизни был рад, что на нём есть гвоздик). А Хрюндик, дрожа всем телом и зажмурившись, просто бегал вперёд и обратно, запутывая тварей и сбивая их с толку.

Но они прекрасно понимали в глубине души, что те их многократно превосходят по силам. Каждая уничтоженная тень порождала две новых. Каждый шаг вперёд давался ценою невероятных усилий. И хуже всего было другое.

Они чувствовали, как щупальца безумия проникают в их

разум. Это было не больно — это было хуже, чем боль. Щупальца были мягкими, прохладными, почти ласковыми. Они скользили по извилинам мозга, касались самых потаённых уголков памяти, выуживали наружу страхи, о которых сами обладатели уже забыли.

Хрюндик вдруг замер и закричал. Ему показалось, что он снова маленький и потерянный, что его мама ушла и никогда не вернётся, что вокруг только огромные, страшные деревья и темнота, в которой скрывается нечто с большими зубами.

Ушастик начал беспорядочно окапываться — прямо на ровном месте, словно пытался зарыться в землю и спрятаться от всего мира.

Грустик заплакал — не своей обычной, привычной тоской, а настоящими, горькими слезами, потому что щупальца показали ему его жизнь без друзей, абсолютно пустую, бесконечную, бессмысленную.

Уизл принялась выкрикивать формулы и заклинания на выдуманных языках, которые она когда-то придумала для игр, но сейчас в её хриплом голосе звучало настоящее иступление.

Только Медвежонок устоял. Не потому, что он был храбрее или умнее. А потому, что в его голове не было сложных мыслей. Когда щупальце безумия скользнуло в его сознание, оно наткнулось на образ горшочка с мёдом. Затем — на образ Хрюндика, улыбающегося ему. Затем — на образ всех его друзей, сидящих за большим столом и пьющих чай.

И щупальце растерялось. Оно не знало, что делать с такой простотой. Оно пыталось внушить Медвежонку страх голода, страх одиночества, страх потери — но он уже пережил всё это раньше, и эти страхи не были для него новыми. Он знал, что голод утоляется мёдом, одиночество — друзьями, а потерю можно пережить, если помнить.

— Друзья! — закричал Медвежонок, голосом, который прорвал пелену безумия. — Держитесь за меня! Не слушайте голоса в голове! Слушайте меня! Мы вместе! Мы пройдем через это! Мы уже проходили через трудности! Помните наводнение? Помните, как мы искали хвост Грустика? Помните, как спасали Ушастика от его собственной норы? Это просто очередное приключение! Страшное, но просто приключение!

И они слышали. Сквозь вой, сквозь шёпот, сквозь холод и тьму они слышали голос своего друга — простого, доверчивого, немного глупого, но бесконечно верного медвежонка. И это стало их якорем.

Они отказывались сдаваться. Тёмный лес был их домом, и сейчас его судьба зависела от них. И больше ни от кого. Никакие короли, никакие рыцари, никакие волшебники не придут им на помощь. Только они — медвежонок, поросёнок, ослик, кролик и сова — могли спасти то место, где они родились, росли и где их любили.

И вот, с трепещущими сердцами и дрожа от страха и ужа-

са, с трудом справившись с первыми врагами, они устремились в самое сердце тьмы — в центр леса. Тропинка, которую они знали как свои пять пальцев, превратилась в узкий, извивающийся коридор между стволами, которые росли так близко друг к другу, что ветви сплетались над головами в сплошной, непроницаемый полог.

Здесь, в глубине, не было даже намёка на свет. Тьма была абсолютной, плотной, осязаемой. Медвежонку казалось, что он идёт сквозь чёрную патоку, которая обволакивает его, проникает в шерсть, забивается в уши и ноздри. Он шёл на ощупь, держа за лапу Хрюндика, который держал за хвост Грустика, который держал за ухо Ушастика, который держал за крыло Уизл. Они двигались как единое существо о пяти головах, спотыкаясь о корни, о которые раньше никогда не спотыкались, потому что этих корней здесь раньше не было.

— Мы почти на месте, — прошептал Ушастик, хотя никто не понимал, откуда он это знал. — Я чувствую это. Прямо здесь, за этими кустами.

— Какими кустами? — спросил Хрюндик дрожащим голосом. — Здесь ничего не видно.

— Теми, которые шепчутся, — ответил Ушастик.

И действительно, впереди что-то шепталось. Шелестело. Шуршало. Звук был похож на миллионы насекомых, переползающих с места на место.

Они не могли знать о том, что их ждёт впереди, но прекрасно понимали, что им придётся столкнуться с этим ли-

цом к лицу, если у них была хоть какая-то надежда на победу. Назад пути не было. Лес за их спинами сомкнулся окончательно, превратив тропинку, по которой они пришли, в непроходимую чащу.

Ибо в этом мире, за пределами нашего собственного видимого мира, есть такие вещи и создания, которые никогда не стоит беспокоить. Они спят в глубоких колодцах времени, в расщелинах между секундами, в забытых уголках реальности, куда не заглядывают ни боги, ни смертные. И они спят не потому, что слабы. А потому, что пробуждение их ужасно для всех — и для них самих, и для тех, кто их разбудил.

Но будучи потревоженными, обратного пути не будет. Не будет возможности закрыть книгу, забыть ритуал, сделать вид, что ничего не случилось. Будильник прозвенел. И теперь оставалось либо встретить то, что проснулось, либо быть поглощённым им.

Наконец, Медвежонок и его друзья приготовились к финальной битве, прекрасно осознавая, что на кону стоят их собственные души.

Хрюндик, Грустик и Ушастик шагали за ведущим их вперёд Медвежоном. А Уизл замыкала их маленькое шествие. Хрюндик молился всем богам, которых не знал. Грустик шептал что-то о том, что, наверное, это был неплохой способ умереть — с друзьями. Ушастик лихорадочно прикидывал планы отступления, которых не было. Уизл смотрела вверх, хотя там была только тьма, и пыталась вспомнить хоть одно

заклинание, которое могло бы им помочь.

Медвежонок же просто шёл. Он не думал о смерти. Он думал о мёде. О Хрюндике. О том, что, когда всё это кончится, он обязательно устроит большой пир и пригласит всех. Даже Прыгуна, который не пошёл с ними.

«Прыгун счастливее нас», — подумал Медвежонок. И улыбнулся этой мысли.

Воздух стал холоднее. Не просто прохладнее — холоднее настолько, что пар шёл изо рта, хотя стоял разгар лета. Хрюндик стучал зубами так громко, что этот стук отдавался эхом от деревьев. Грустик покрылся инеем, и его и без того печальная фигура стала похожа на привидение.

По мере того как они приближались к источнику тьмы, земля под ногами начала трястись. Сначала мелко, как при ознобе. Затем сильнее, так что приходилось широко расставлять ноги, чтобы не упасть. Деревья вокруг скручивались ещё сильнее, чем раньше — их стволы закручивались в спирали, ветви сплетались в узлы, а корни выползали наружу, как змеи, спасающиеся от пожара.

И потом они увидели ЭТО.

Поляна в центре леса была огромной — гораздо больше, чем должна была быть. Казалось, пространство здесь растянулось, подчиняясь не геометрии, а какой-то иной, тёмной

воле. В центре поляны возвышалась фигура.

Она была не просто высокой. Она была высотой с дерево. С два дерева. С сосну, которая росла на краю леса и которую все считали самой высокой в округе. Фигура была соткана из тьмы — не из чёрного тумана, не из теней, а из самой сути тьмы, из того первичного мрака, который существовал до того, как зажглась первая звезда.

Вокруг неё клубилась тёмная энергия — видимая, почти осязаемая. Она искрилась, как статическое электричество, но искры были чёрными, как уголь. Она потрескивала, но звук был не сухим, а влажным, как если бы кто-то разрывал сырое мясо.

Глаза фигуры — или то, что было вместо них — светились потусторонним пламенем. Это не был обычный огонь. Это был холодный огонь, синий и зелёный одновременно, который не грел, а, наоборот, вытягивал тепло из всего, на что падал его взгляд. Когда эти глаза посмотрели на Хрюндика, поросёнок почувствовал, как его сердце на мгновение остановилось. Когда они посмотрели на Грустика, ослик пошатнулся, словно потерял половину своей и без того скудной жизненной силы.

А потом фигура открыла рот. Рта у неё не было — только вертикальная расселина в том месте, где у нормальных существ располагалось лицо. Из этой расселины вырвался голос — не один, а тысячи голосов, сплетённых в один. Голос гремел, как гром в грозу, как камнепад в горах, как круше-

ние мира.

— *КТО СМЕЕТ ТРЕВОЖИТЬ МОЙ СОН?!* — Заревело чудище. — *КТО СМЕЕТ БУДИТЬ МЕНЯ ОТ ВЕЧНОГО ПОКОЯ?!*

Земля содрогнулась от этого крика. Листья слетели с деревьев в радиусе ста метров. В воздухе запахло озоном и горелой плотью. Хрюндик упал на колени. Грустик закрыл глаза, готовясь к худшему. Ушастик инстинктивно начал рыть нору, хотя понимал, что это бесполезно. Узлз взлетела на несколько метров, но тут же рухнула вниз, сбитая волной чистого ужаса.

Но Медвежонок не упал. Не закрыл глаза. Не стал рыть нору.

Медвежонок шагнул вперёд.

Его маленькое тело дрожало. Его сердце колотилось где-то в горле. Его лапы были холодными и влажными от пота. Внутри него всё кричало: «*Беги! Прячься! Притворись мёртвым!*». Но его душа, та самая, простая и незатейливая душа медвежонка, который любил мёд и своих друзей, не слушала этих криков. Она знала, что если он сейчас отступит, то потеряет нечто большее, чем жизнь. Он потеряет себя.

В нём была решимость, которой он никогда не обладал раньше. Не смелость — смелость бывает громкой и яркой. Это было что-то другое. Смирение. Принятие. Готовность встретить свою судьбу, какой бы она ни была, с открытыми глазами и чистым сердцем.

— Это сделали мы, — произнёс он. Его голос сначала дрожал, но с каждым словом становился твёрже. — Мы пришли в поисках знаний, но не понимали, во что ввязываемся. Мы открыли книгу, хотя не должны были. Мы разбудили Вас, хотя не хотели. Мы не искали власти и не хотели причинить зло. Мы просто... были любопытны. И нам очень жаль. Пожалуйста, простите нас.

Он замолчал. Позади него его друзья замерли, не смея дышать. Хрюндик открыл глаза и смотрел на Медвежонка с таким выражением, с которым смотрят на героев из легенд. Даже Грустик приподнял голову.

Чудовище какое-то время смотрело на медвежонка. Его глаза-провалы мерцали неизвестными эмоциями. Возможно, это было удивление. Возможно, любопытство. Возможно, что-то ещё, чему нет названия в языке смертных.

Тишина длилась вечность. Воздух дрожал от напряжения. Тени вокруг замерли, перестав плясать. Даже шёпот стих — впервые с того момента, как они вошли в лес.

А затем, к их удивлению, чудовище снова заговорило. Но на этот раз его голос был совсем другим. Он стал гораздо мягче, тише и даже казался нежным. Гром ушёл из него, остался только шёпот — но не зловещий, как раньше, а усталый, печальный, почти человеческий.

— Ты был достаточно храбрым, чтобы встретиться со мной лицом к лицу, маленький медвежонок, — сказала оно. — Немногие смертные обладают смелостью для этого. Боль-

шинство бегут. Или кричат. Или пытаются сражаться. Но ты... ты просто подошёл и попросил прощения. Ты признал свою ошибку. Ты не стал оправдываться, не стал винить других, не стал торговаться. Ты проявил смирение.

Оно сделало паузу. Тьма вокруг него начала пульсировать медленнее, словно сердце гигантского зверя успокаивалось после долгого бега.

— И не только смирение, — продолжило оно. — Вы пришли сюда все вместе. Никто не бросил другого. Никто не спрятался. Даже сейчас, когда вы стоите перед лицом того, что может уничтожить вас в одно мгновение, вы стоите рядом. Спина к спине. Лапа к лапе. Это... редкость. Я видел много миров и много существ. Такое я видел нечасто.

Оно вздохнуло — и от этого вздоха по поляне прошла волна тёплого воздуха, впервые за весь вечер. Иней на шерсти Грустика растаял. Хрюндик перестал дрожать.

— За это я сохраню вам жизнь, — сказала чудовище. — И не только сохраню. Я отпущу вас. Я уйду обратно в свой сон. И я сделаю так, чтобы вы забыли дорогу к этому месту. Чтобы вы никогда больше не нашли эту поляну, даже если будете искать специально.

Оно подняло свою тёмную руку — или то, что служило ей рукой — и щёлкнуло пальцами. Звук был похож на треск разрываемой ткани.

И мир перевернулся.

Тьма начала отступать. Не быстро — она не убегала, не растворялась в панике. Она отступала медленно, с достоинством, как старый король, покидающий трон, который больше ему не принадлежит.

Деревья выпрямились. Их ветви, которые были скрюченными пальцами, снова стали просто ветвями — шершавыми, зелёными, живыми. Кора на берёзах снова стала белой, а не чёрной. Дубы перестали кланяться и выпрямили свои могучие спины.

Шёпот стих. Сначала он превратился в обычный шум леса — стрекот кузнечиков, шелест листьев, далёкую песню дрозда. А потом и вовсе исчез, растворился в тишине, которая была не зловещей, а спокойной, тёплой, домашней.

Тени рассеялись. Те самые пляшущие тени, которые пугали их весь путь, свернулись в маленькие чёрные точки, упали на землю и превратились в обычные камешки, шишки и упавшие листья. Оказалось, что за ними не скрывалось ничего — кроме их собственного страха.

Какое-то время на земле лежала раскрытая древняя книга. Пух подошёл к ней и посмотрел на страницы. Они были пусты. Ни текста, ни рисунков, ни шрамов, ни знаков. Обычный пергамент — немного пожелтевший от времени, но совершенно чистый.

— Странно, — сказал Медвежонок. — Только что здесь было столько всего написано.

— И не говори, — вздохнул Грустик. — Как моя жизнь.

Вроде бы полная событий, а посмотришь — и ничего не написано.

Но в его голосе не было привычной горечи. Скорее, лёгкая, почти добрая ирония.

А через какое-то время книга рассыпалась в прах. Не взорвалась, не сгорела, не исчезла в облаке дыма. Просто рассыпалась — медленно, спокойно, как старый дом, который решил, что его время прошло. Прах подхватил ветерок и развеял его над поляной, над деревьями, над всем Тёмным лесом. Возможно, он упал на землю и стал удобрением для новых цветов. А может быть, поднялся выше, к облакам, и исчез навсегда. Никто из них так и не узнал.

Медвежонок и его друзья облегчённо выдохнули. Этот выдох был громким, почти оглушительным — все они одновременно выпустили воздух, который задерживали с того самого момента, как чудовище заговорило с ними в последний раз.

Они столкнулись со своими страхами и вышли победителями из этой битвы. Не потому, что они были сильнее или умнее. А потому, что они были вместе. Потому что они не сдались. Потому что маленький медвежонок с пустым горшочком в голове оказался мудрее всех великих мудрецов, вместе взятых.

Они стояли на поляне, которая снова стала обычной лесной поляной — с травой, цветами и маленьким ручейком, журчавшим на краю. Солнце, настоящее, тёплое, золотое,

пробилось сквозь кроны и залило всё вокруг светом. Птицы пели. Бабочки летали.

— Медвежонок, — сказал Хрюндик, подходя к медвежонку и обнимая его за ногу. — Ты был сегодня таким... таким...

— Глупым? — предположил Медвежонок.

— Нет, — Хрюндик покачал головой. — Храбрым. Но не так, как бывают храбрыми рыцари. А как-то по-другому. По-доброму.

Медвежонок почесал затылок.

— Я просто не хотел, чтобы кто-то из вас пострадал, — сказал он. — И ещё я подумал, что, наверное, каждое существо, даже самое страшное, внутри немного похоже на нас. Ему тоже нужен дом. И друзья. И, возможно, немного мёда. Кстати, о мёде...

— Медвежонок! — засмеялся Ушастик.

Они рассмеялись все вместе — даже Грустик, даже Уизл, которая обычно относилась к смеху как к недостаточно серьёзному занятию. Смех разносился по лесу, от дерева к дереву, от норы к гнезду, и лес, казалось, смеялся вместе с ними.

Но они прекрасно понимали, что никогда не забудут усвоенные в этот день уроки. Уроки Тёмного леса — настоящие, невыдуманные, выстраданные.

Об опасностях беспечного любопытства, которое может разбудить то, что лучше оставить спящим.

О силе смирения, которое оказывается сильнее любой магии и любого оружия.

И о важности встречи со своими собственными страхами — не для того, чтобы уничтожить их, а для того, чтобы посмотреть им в глаза и сказать: *«Я тебя не боюсь. Ты часть меня. Но я больше, чем ты»*.

Когда они вышли на опушку Тёмного леса — туда, где кончались деревья и начинались их родные холмы и луга — Медвежонок и его друзья не могли не почувствовать беспокойство. Тьма и зло были побеждены, высокое чудище (о котором они почему-то уже начинали забывать, словно его образ стирался из памяти) ушло обратно в свой сон, а лес снова стал уютным и знакомым.

Но воспоминания о высокой фигуре — той самой, что стояла в центре поляны, окутанная тьмой и древней силой — всё ещё хранились в их сознании. Или не совсем воспоминания. Скорее, отпечатки. Как будто кто-то очень сильный нажал на их душу пальцем, и вмятина осталась, но сам палец исчез.

Медвежонок шёл первым, напевая себе под нос песенку собственного сочинения:

Кто ходил в ночную тьму,

*Тот не боится ничего.
Даже если по кошмару
Пробежится существо.
Потому что вместе мы —
Это главное, ура!
И, конечно, без горшочка мёда
Жизнь была бы не мила.*

Песня, надо признаться, была не очень складной, но для Медвежонка она была шедевром.

Внезапно Хрюндик ахнул. Он ахнул так громко и так пронзительно, что все остановились как вкопанные. Хрюндик редко ахал — обычно он просто пищал или, в крайнем случае, взвизгивал. Ах — это было нечто новое, и это означало, что случилось действительно нечто из ряда вон выходящее.

— Смотрите! — Воскликнул он, указывая на ближайший куст. — Там кто-то прячется!

Куст был большим, густым, из тех, в которых можно спрятать не только поросёнка, но и, например, медвежонка средних размеров. Или тигра. Тигра средних размеров.

Медвежонок и остальные бросились к кустам (Ушастик — с морковкой наготове, Уизл — с книгой, Грустик — со своим хвостом, который на этот раз он держал в зубах, чтобы он не мешался). Они раздвинули ветки и обнаружили внутри...

Тигра.

Настоящего тигра. Полосатого, рыжего, с огромными ла-

пами и не менее огромными глазами, которые сейчас были очень-очень виноватыми. Он сидел на корточках, прижимая уши к голове, и выглядел так, словно его только что поймали на краже мёда (что, кстати, случилось).

— Прыгун? — изумился Медвежонок. — Что ты здесь делаешь? Ты же остался дома. Ты сказал, что у тебя важные дела.

Прыгун опустил голову ещё ниже. Его хвост, который обычно был самым бодрым и вертлявым хвостом во всём Тёмном лесу, сейчас безжизненно волочился по земле.

— Я... я соврал, — признался Прыгун. — У меня не было никаких дел. Я просто... я просто испугался.

— Испугался? — переспросил Ушастик с некоторым недоверием. — Ты? Прыгун? Который скачет по лесу с криком «Оп-ля!» и никого не боится?

— Все боятся, Ушастик, — тихо сказал Грустик. — Просто некоторые умеют это скрывать лучше других.

Прыгун посмотрел на ослика с благодарностью — такой искренней, какой никто из них никогда не видел на его полосатой морде.

— Я следил за вами, — сказал он, наконец, выдавливая из себя слова. — Я хотел посмотреть, чем вы занимаетесь. Я думал, если я пойду за вами на расстоянии, то смогу помочь, если что-то случится. Но если ничего не случится, то никто не узнает, что я трусил. А тигры — самые лучшие шпионы на свете! — добавил он, но в его голосе не было обычного

хвастовства. Он звучал так, будто Прыгун сам не верил в то, что говорил.

Пух нахмурился. Он нахмурился редко, потому что его лоб не был приспособлен для хмурости, но сейчас он сделал усилие.

— Но Прыгун, это было не очень мудро... — начал он. — Ты мог пострадать. Если бы то чудище заметило тебя раньше, чем нас... если бы тени добрались до тебя... если бы книга...

Он не договорил. Прыгун и сам всё понимал.

Прыгун опустил голову ещё ниже. Его усы, обычно торчавшие в разные стороны, как антенны радара, обвисли и смотрели в пол.

— Я понимаю, — ответил он. Его голос стал тихим-тихим, почти как у Хрюндика. — Я просто... Я очень хотел быть таким же смелым, как все вы, ребята. Вы пошли туда, куда я побоялся. Вы сражались с тем, с чем я побоялся сражаться. А я... я просто сидел в кустах и дрожал. Какой же я тигр, если я дрожу?

На некоторое время воцарилась тишина. Лес молчал. Ветер не дул. Даже птицы, казалось, затаили дыхание. Все друзья переглядывались, не зная, что сказать. Потому что каждый из них понимал Прыгуна. Каждый из них в глубине души боялся быть трусом. Каждый из них хотел быть героем.

И тут заговорил Ушастик.

— Знаете, — сказал он, поправляя очки. — Я хотел вам

кое-что рассказать. Я обнаружил кое-что, пока мы все блуждали во Тьме.

Все с любопытством обернулись к нему. Даже Прыгун поднял голову.

— Что такое? — Спросил Медвежонок.

Ушастик глубоко вздохнул. Он не привык говорить о чувствах — обычно он говорил о морковке, о планах на зиму, о том, что пора бы навести порядок в норе. Но сейчас он решился.

— Я понял, что все мы храбры по-своему, — сказал он. — Посмотрите на нас. Хрюндик — он боится всего на свете. Но он пошёл с нами. Он сражался. Он не убежал, хотя каждый его шаг стоил ему огромных усилий. Это ли не храбрость? Грустик — он вообще считает, что жизнь бессмысленна и ничего хорошего не случится. Но он пошёл. Он не остался дома жаловаться на судьбу. Он пошёл и помогал нам, как мог. Уизл — она могла улететь. У неё есть крылья, она могла быть сейчас далеко отсюда, в безопасности. Но она осталась. Она билась вместе с нами.

Он повернулся к Прыгуну.

— А ты, Прыгун. Ты испугался. Да, испугался. Но ты не убежал домой. Ты пошёл за нами. Ты спрятался в кустах, ты дрожал, но ты был рядом. И если бы нам действительно понадобилась помощь, ты бы выскочил из этих кустов. Я уверен. Потому что тигры — они не бросают друзей в беде. Даже если им страшно.

У Прыгуна на глазах выступили слёзы. Настоящие, полосатые, тигриные слёзы.

— Правда? — спросил он.

— Правда, — сказал Медвежонок, подходя и обнимая Прыгуна. Обнимать его было непросто — он был большим и полосатым, и его шерсть щекотала нос. Но Медвежонок справился. — Ты наш друг, Прыгун. А друзья не обязаны быть бесстрашными. Друзья должны быть рядом.

— Дело ведь не в том, чтобы быть бесстрашным, — добавил Ушастик, повторяя мысль, которая созрела у него в глубине души. — А в том, чтобы противостоять своим страхам, даже когда ты напуган. Вот это и есть настоящая храбрость. Не отсутствие страха. А действие вопреки страху.

На некоторое время друзья снова замолчали, обдумывая всё, что с ними произошло. Каждый из них прокручивал в голове события этого дня — странный лес, искривлённые деревья, шёпот, тени, книгу, чудовище, прощение. И каждый из них понимал, что стал немного другим. Не лучше и не хуже. Просто другим. Глубже, что ли. Мудрее.

И тут заговорил Грустик. Он поднял свою длинную голову, поправил хвост (который, кстати, каким-то чудом снова был на месте, хотя никто не заметил, когда это произошло), и на его морде появилось выражение, которого никто никогда раньше не видел.

Лёгкая ухмылка.

— Ну, — сказал он своим медленным, скрипучим голо-

сом, в котором впервые за много лет прозвучала нотка гордости. — Тогда я полагаю, что мы все герои.

Он сказал это так, будто подводил итог долгому и трудному разговору. Будто ставил точку в длинной главе их общей жизни. И в этой точке было что-то тёплое, светлое и окончательное.

Все рассмеялись. Сначала неуверенно, потом громче, а потом так, что лес, который ещё час назад был источником ужаса, наполнился их смехом, как большая чаша — мёдом. Прыгун засмеялся громче всех, и его «Хо-хо-хо!» разнеслось по опушке, спугнуло стайку воробьёв и, кажется, даже заставило солнце светить чуть ярче.

Окуtywавшее их напряжение мигом растаяло. Оно ушло не сразу — сначала оно превратилось в лёгкую неловкость, потом в усталую расслабленность, а потом просто испарилось, как утренний туман.

Продолжая свой путь из леса, шагая по знакомой тропинке, которая вилась между холмами, мимо ручья, мимо дупла Уизл, мимо норы Ушастика, мимо домика Грустика они все осознали, что всегда будут помнить то, что с ними произошло.

Не потому, что это было страшно. А потому, что это было важно.

И в этой важности, в этом уроке, усвоенном их маленькими, но отважными сердцами, и заключалась настоящая магия Стоакрового леса. Та магия, которая не требовала древ-

них книг и тёмных ритуалов. Та магия, которая жила в них самих — в их дружбе, в их верности, в их готовности идти вперёд, даже когда страшно.

Медвежонок шёл впереди и уже придумывал новую песенку — на этот раз о том, как хорошо возвращаться домой, когда тебя ждут.

А дома их действительно ждали.

Ждал мёд. Ждал чай. Ждал уют.

И новые приключения.

Но это уже совсем другая история.

Казань, шоль 2023

Гвардии гауптман

Фантазия

Меня схватили достаточно быстро. Я даже сам не понял, как это произошло. Вот, вроде бы гулял себе по лесу в пригороде, собирал грибы и ягоды... В общем делал всё то же самое, что и обычно летними днями и вечерами. Как вдруг на меня налетела толпа бритоголовых молодчиков, быстро взяли меня под руки и повели куда-то вглубь леса.

Один рявкнул что-то резкое, другой подхватил грубым окриком, требуя замолчать и не рыпаться. Я даже пискнуть не успел.

Вскоре меня вывели на небольшую поляну, в центре которой располагалась большая палатка. Поодаль от неё полукругом стояли палатки поменьше, где-то явно жгли костёр — судя по вызывавшему приятные ассоциации запаху шашлыка, — а также слышались командные выкрики на местном наречии. Но это был не тот говор, к которому я привык здесь, на восточных рубежах. Это было наречие, труднопонимаемое для большинства жителей этих мест из-за его явной полонизированной окраски... Словно кто-то водил железом по стеклу.

Через некоторое время меня ввели в большую палатку. И я увидел там, за столом, его. Одет он был в форму обер-

штурмбанфюрера СС, подчёркнуто выглаженную, блестящую своей изысканностью — словно сошёл с экранов старых фильмов о войне. Но я узнал его ещё до того, как он представился.

— Гвардии капитан Василий Базенюк. Здесь проходят тренировки лагеря «Голова впереди». Кто ты и зачем сюда пришёл? — Спросил он. — Разве тебе неизвестно, юноша, что здесь только патриоты!

Я пытался было что-то ответить, но он слегка незаметным жестом приказал мне молчать, что я и сделал. А затем, когда те, кто привёл меня сюда, вышли из палатки, он тут же произнёс:

— Парень! Какого лешего ты сюда припёрся?! Ты, что, не знаешь, что здесь тренируются эти... — Он показал рукой в сторону выхода из палатки. — Скины...

— Но Василий Петрович... — Начал было я.

— Никаких «но», парень! Беги! Пока они не прочухали ничего! В конце поляны есть обрыв, под ним небольшой уступ, о котором они пока что не знают. Беги туда и прыгай вниз. Они, конечно, безбашенные, но не настолько, чтобы прыгать в пропасть... Пока что.

Он задумался. Я тоже. Я помнил его. Мать Василия Базенюка, Антонина Селивёрстовна, работала учительницей в школе и в своё время помогла мне подтянуть знание местного языка и литературы, чтобы без проблем поступить в университет. Самому же Василию я когда-то помог решить его

финансовые проблемы. Теперь, видимо, пришло время отдавать долги...

Я послушался его совета и мигом рванул в ту сторону, куда он мне указал. Молодчики, тренировавшиеся совсем рядом с палаткой, сначала ничего не поняли, но когда осознали произошедшее, то ринулись за мной, подгоняя себя и других гортанными выкриками. Впрочем, они не успели. В отличие от меня...

Когда я вернулся домой и рассказал о том, чему стал свидетелем, мне не поверили. Не поверили и после, когда события начали происходить стремительно и неконтролируемо. И лишь спустя несколько лет, когда началось то, что началось, мне всё же, наконец, смогли поверить.

К счастью, я успел вырваться из того ада, в который начала превращаться моя страна, управляемая кукловодами из-за океана. И теперь я с болью и грустью смотрю на то, во что превратился некогда процветающий край.

Впрочем, я понимаю, что так или иначе это всё было неизбежно. И рано или поздно всё вспыхнуло бы. Не в том году, так гораздо позже. Но благодаря тем, кто всегда был на стороне справедливости, кажется, что мир придёт. Да, жаль, что не так скоро, как мы этого ждали. Но я знаю и верю — всё будет своевременно. Всё произойдёт именно тогда, когда

должно произойти...

Что касается Василия... Чуть позже я узнал, что его ликвидировали свои. Хотя можно ли назвать своими тех, кто наряжается в форму фашистов, выкрикивает их лозунги и заявляет, что они больше не братья?

Антонина Селивёрстовна, к счастью, не дожидая до этих дней. Она умерла раньше, в последний относительно спокойный год, когда никто не мог предположить того, что случилось позже.

Я медленно достаю свой блокнот, привезённый сюда, со мной. Ещё тогда, в том самом году, я зарисовал в него всё, что со мной произошло: палатку, лес, поляну, бритоголовых молодчиков, их исковерканные речёвки...

А сейчас здесь стали появляться строки на языке, который я уже почти забыл. На языке, который пригодился мне давным-давно, когда я поступал в университет, но сейчас... Сейчас он был мне не особо нужен. И, тем не менее, строчки ложились одна за другой на листок, превращая эмоции в стихи:

*Гвардії гауптман,
Що в лісі облаштував табір,
Десь поруч із в'язом старезним
Ховав свою совість, як крадій.*

*А я згадував мамину мову,
Якої навчався колись.
Вона, наче вишневий цвіт,
Розквітла — та впала унизь.*

*Ти крикнув: «Біжи! Не озивайся!»
І я полетів у яр.
А заду — погоня із «січовиків»,
Що мають за правду сокир.*

*Тепер я далеко. У тихому краї,
Де мова не ріже вухо.
А там, де ми збирали гриби,
Тепер лиш вовкулака й стерво.*

*Прости нас, Василю, що не вберегли
Ні мови, ні рідної хати.
Тепер ми з тобою — як два вузли,
Що вже не горять, а тліють.*

*Та я вірю: колись цей біль
Розвіється геть, мов тумани.
І мова розквітне, як в полі шафран,*

Без гіркоти, облуди й рани.

Я закрываю блокнот. Его потёртая корочка ещё хранит тепло того лета. Снаружи доносится привычный шум чужого, но такого мирного города. Лучшего города на Земле, как пел когда-то замечательный артист Муслим Магомедович Магомаев. Никто здесь не кричит вслед и не гоняется за тенью в лесу.

Василий остался там, среди «молодчиков», которые в конечном итоге так и не стали его братьями. Он задержал их тогда на несколько секунд. Целых несколько секунд, которые подарили мне жизнь...

Я больше никогда не ходил в тот лес. Даже мысленно.

Блокнот ложится на полку. Рядом — старый выцветший снимок Антонины Селивёрстовны, учительницы, когда-то учившей меня. Её уже нет. Нет и его. А строки останутся навсегда. Стихи не меняются, в отличие от людей...

За окном гаснет свет.

И наступает тишина.

Звонкая, человеческая тишина...

Казань, 2026

Он и она

Они впервые увидели друг друга во вторник, в очереди за кофе.

Аля работала в маленькой кофейне при книжном магазине на первом этаже его дома. Он заходил туда каждое утро, потому что было лень возиться с туркой, а чёрный кофе на-вынос стал ритуалом, который заменял ему утренний разговор. Аля появилась здесь две недели назад — новая бариста, невысокая, со светлыми волосами до плеч, которые она постоянно убирала за ухо. Он запомнил её, потому что она никогда не улыбалась клиентам. Не то чтобы грубила — просто делала свою работу без лишних движений: приняла заказ, сварила, подала. Обычно он брал кофе и уходил, не поднимая глаз.

В тот вторник что-то изменилось. Он ждал свой американо, листая ленту в телефоне, и случайно поднял голову. Аля смотрела на него. Не так, как смотрят на клиента — вежливо-рассеянно. А так, будто пыталась прочитать что-то у него на лице. Он смутился, первым отвёл взгляд. Когда она протянула стаканчик, их пальцы на секунду соприкоснулись. Её рука была холодной, несмотря на пар от кофемашины.

— У вас там... — она запнулась, потом кивнула на его запястье. — Татуировка. Компас. Красивая.

Он машинально поправил рукав. Старый рисунок, кото-

рый он почти не замечал.

— Спасибо, — сказал он и вышел.

На следующий день он купил кофе снова. Аля была без сменной формы — в чёрном свитере и джинсах, сидела за столиком у окна с планшетом. Увидев его, быстро встала, будто её застали за чем-то постыдным.

— Ваш обычный? — спросила, проходя за стойку.

— Да.

Она готовила молча, но он заметил, как её пальцы слегка дрожали, когда она нажимала кнопки. Он хотел спросить, всё ли в порядке, но не стал.

Через неделю он узнал её имя окончательно. Кто-то из посетителей окликнул её — «Аля, прими заказ». Аля. Короткое, как щелчок.

Он начал замечать детали: она всегда выходила из кофейни в десять вечера, сворачивала за угол, садилась в старый фиолетовый «Фольксваген». Жила, судя по всему, одна — никто её не встречал. Иногда по утрам у неё были красные глаза, будто она плакала ночью. Иногда она смеялась чему-то в телефоне, и тогда её лицо становилось почти детским.

Он не подходил. Не заговаривал первым. Ему казалось, что навязываться — последнее дело. К тому же он был старше на двадцать лет, разведён, с двумя детьми, которые жили в другой стране. «С таким багажом не лезут к двадцатилетним», — думал он. Но всё равно каждый день покупал кофе именно у неё.

Однажды — это было в пятницу вечером — он вернулся домой поздно, уставший после переговоров. В подъезде пахло хлоркой и жареными пирожками. Он нажал кнопку лифта. Двери открылись — внутри стояла Аля. В куртке нараспашку, с рюкзаком за спиной и бумажным пакетом из супермаркета.

— Вы живёте здесь? — спросила она. Голос был тише, чем обычно.

— На четвёртом. А ты?

— На втором. Соседи, оказывается.

Лифт поднимался медленно. Они молчали. На втором этаже она вышла, обернулась и спросила:

— У вас есть дети?

Вопрос оглушил. Он кивнул.

— А жена?

— Бывшая. Давно.

Она кивнула, будто услышала то, что хотела. Двери лифта закрылись, и он поехал дальше.

Аля закрыла за собой дверь, прислонилась к ней спиной и выдохнула. Ей было восемнадцать. Родители развелись, когда она училась в девятом классе. Мать уехала в другой город с новым мужем, отец запил и пропал где-то на севере. Квартира на втором этаже досталась ей по наследству от бабушки — маленькая двушка с продавленным диваном и старыми обоями. Она жила одна с шестнадцати лет, сдавала одну комнату, чтобы хватало на еду, но последняя соседка съеха-

ла месяц назад. Денег не хватало, стипендия в колледже была смешной, работа в кофейне спасала, но не полностью. По ночам она лежала в темноте и слушала, как шумит за стеной лифт. Иногда ей казалось, что если она ни с кем не заговорит три дня подряд, то просто исчезнет — растворится в воздухе, как выдох в мороз.

Этому мужчине из кофейни — с сединой на висках и усталыми глазами — она почему-то верила. Не то чтобы знала его. Просто видела, как он держит стаканчик: обеими руками, будто греется. Как никогда не смотрит в телефон, когда ждёт заказ. Как говорит «спасибо» и смотрит прямо. В нём не было той пустоты, которую она чувствовала в других. И ещё — он был старше. Это почему-то успокаивало. Сверстники казались ей слишком громкими, слишком быстрыми, слишком ненастоящими. А он — нет.

После того вечера они начали здороваться как знакомые. Иногда перекидывались парой фраз у кофейной стойки. Аля рассказала, что учится заочно на дизайнера, подрабатывает в кофейне, потому что стипендия смешная. Он рассказал, что работает в IT, но не любит об этом говорить, потому что людям становится скучно. Она засмеялась — впервые при нём.

Она узнала его адрес случайно. В тот вечер, когда у него сломалась входная дверь — защёлка заела, и он не мог попасть домой. Он стоял на лестничной клетке, ругался сквозь зубы и пинал дверь ногой. Аля вышла из своей квартиры с

мусорным пакетом.

— Замок? — спросила она.

— Защёлка, — поправил он. — Заело.

— У моего отца была такая же проблема. Нужно надавить на полотно вот здесь, — она показала рукой, — и резко дернуть ручку вверх.

Он сделал, как она сказала. Дверь открылась. Он вздохнул с облегчением.

— Спасибо. Я твой должник.

— Запомню, — сказала она и улыбнулась.

Номер квартиры она запомнила сама собой — 47.

Почему она решила прийти к нему той ночью? Об этом он узнал гораздо позже, когда они уже жили вместе. Аля сказала: *«Мне было одиноко. Не так, когда хочется позвонить подруге. А так, когда кажется, что ты единственный живой человек в этом доме, а остальные — роботы. Я смотрела на тебя и видела, что ты такой же. Не робот».*

Она знала, что он будет один. Накануне в кофейне она слышала, как он говорил кому-то по телефону: *«Да, я свободен все выходные».* Она стояла у капучинатора и делала вид, что не слушает.

Вечером она приняла душ, надела первую попавшуюся майку и шорты, постояла минуту у своей двери, прислушиваясь к себе. Страх не было. Было странное спокойствие — как перед прыжком в воду, когда уже решил, что прыгнешь, и осталось только оттолкнуться.

Она вышла в подъезд, поднялась на четвёртый этаж. Дверь в квартиру 47 была не заперта — он вернулся из магазина час назад и, занеся пакеты, не стал закрывать её на замок, только притянул за ручку. Но пружина в дверном механизме давно сдохла, так что дверь осталась приоткрытой на пару сантиметров. Аля толкнула её, шагнула внутрь и увидела его в кресле перед телевизором.

Так началась эта история.

За окном давно отзвучал день. Город за стеклом спальни жил своей жизнью — где-то сигналили машины, лаяла собака, но здесь, в этой комнате, время текло иначе. Вязко, тягуче, как мёд, который никак не упадёт с ложки.

Мужчина — тридцать восемь, с сединой, которая только начинала проявляться на висках, и усталостью, въевшейся не только в мышцы, но и в самую глубь души — сидел в кожаном кресле. Его руки безвольно лежали на подлокотниках, пальцы почти не касались пульта. Телевизор работал фоном: бесконечная череда новостей, кулинарное шоу, потом какой-то старый фильм, где актёры говорили слишком громко и слишком фальшиво. Он не смотрел. Он просто смотрел в, сквозь мерцающий экран, туда, где заканчивались мысли и начиналась пустота последних пяти лет.

Одиночество — странная штука. Оно не всегда кричит.

Иногда оно принимает облик привычного кресла, вечно включённого ящика и запаха чёрного кофе, который выветрился ещё утром, но продолжает казаться. Он развёлся три года назад. Бывшая жена уехала в другую страну, дети остались у неё — таково было решение суда, которому он не сопротивлялся. Слишком устал бороться. С тех пор жизнь превратилась в расписание: работа, супермаркет, кресло, телевизор, кровать. И так по кругу.

Он уже почти засыпал, когда тишина комнаты нарушилась.

Не звуком — отсутствием звука. Дверь открылась без скрипа, будто кто-то давно знал, как её приоткрыть, чтобы не потревожить воздух. Он не повернул головы — лишь краем глаза уловил движение в дверном проёме. Сначала он подумал, что это галлюцинация. С ним такое бывало на грани сна — тени оживали, принимали формы.

Но Аля не исчезла.

Девушка. Восемнадцать. Уверенность, с которой её тело входило в полумрак комнаты. Длинные, чуть влажные после душа волосы струились по плечам, закрывая половину лица. Она была босая. Белая хлопковая майка с широким вырезом, тёмные, почти чёрные шорты. Никакой косметики, никаких украшений — только она сама, её тонкие запястья, ключицы, выступающие при каждом вдохе, и глаза. Когда она подняла взгляд, он увидел там что-то, что не умел назвать. Напуганное и смелое одновременно.

«Ей восемнадцать, а мне тридцать восемь. Это неправильно», — мелькнуло в голове. Но тело уже не слушалось рассудка.

Он хотел спросить: «Кто ты?», «Как ты вошла?», «Что тебе нужно?». Но язык прилип к нёбу. Потому что она уже шла к нему — медленно, плавно. Каждый её шаг отдавался у него в груди глухим эхом.

Аля опустилась на колени прямо перед его креслом.

Этого не могло быть. Это противоречило всем правилам, всем «так не делается», всем голосам в его голове, которые кричали: «Останови! Ты ей в отцы годишься. Что ты делаешь?». Но он молчал. Он смотрел, как её пальцы — длинные, с коротко стриженными ногтями, без лака — медленно поднимаются в воздухе, тянутся к его коленям. Они дрожали. Едва заметно, но он видел.

Первый контакт произошёл через джинсовую ткань. Её ладони легли на его бёдра — невесомо, осторожно. Тепло просочилось сквозь грубую материю, достигло кожи. Он выдохнул — коротко, сквозь стиснутые зубы.

Аля начала гладить. Медленно. Изучающе. От коленей вверх, к паху, но не касаясь самого сокровенного, лишь очерчивая границы. Её пальцы чертили круги на внешней стороне его бёдер, затем скользили внутрь, где ткань натягивалась сильнее, где он уже начинал реагировать на её прикосновения.

Он опустил взгляд на её макушку. Пахло от неё ванилью

— дешёвым гелем для душа, который продают в любом супермаркете. Этот запах делал происходящее странно уютным, почти бытовым, что только усиливало неправильность.

— Зачем ты здесь? — наконец выдавил он. Голос сел, стал хриплым, чужим.

Аля подняла лицо. В глазах стояли слёзы — нет, не слёзы, скорее, блеск непролитой влаги. Улыбнулась уголками губ.

— Чтобы ты перестал быть один, — сказала она просто.

Её пальцы чуть сильнее надавили на внутреннюю сторону его бёдер, и он непроизвольно развёл ноги шире, подчиняясь жесту, который был мягче приказа, но твёрже просьбы.

«Мне почти сорок. А она — только начинает жить. Что я делаю?» — подумал он. Но рука уже легла на её затылок, пальцы запутались в ещё влажных волосах.

Телевизор бормотал про завтрашнюю погоду. Но в комнате больше не было погоды. Было только её дыхание, его стучащее сердце и напряжение, которое вот-вот должно было либо разорвать их в клочья, либо соединить навсегда.

Он не знал, что именно переключило в нём рычаг. Может быть, её дрожащие пальцы. Может быть, эти непролитые слёзы. Или, возможно, пять лет одиночества наконец прорвали плотину. А может, усталость постоянно говорить себе «нет, нельзя, она слишком молода». Он резко, но мягко сжал её

руку, притягивая ближе, и поднялся с кресла, увлекая Алю за собой.

Она ахнула — от неожиданности, от испуга, от восторга. Он подхватил её под спину и под колени. Она была лёгкой — он почти не чувствовал веса. Её руки мгновенно обвились его шею, пальцы запутались в его коротких волосах на затылке. Ноги сомкнулись на его талии, бёдра прижались к его животу. Он чувствовал её жар даже сквозь джинсы и собственную рубашку.

Аля прижалась грудью к его груди, и сквозь тонкую ткань майки он ощутил два маленьких твёрдых бутона — её соски затвердели от холода или от возбуждения, он не знал. Но это знание ударило в пах, заставило пошатнуться.

— Держись, — прошептал он и шагнул в сторону спальни.

Телевизор остался позади. Вместе с ним остались все *«почему»* и *«как так можно»*, и голос, который всё ещё бормотал: *«Она могла бы быть твоей дочерью»*. Коридор был тёмным, лишь слабый свет уличных фонарей пробивался сквозь жалюзи, рисуя на стенах полосы — чёрные и золотые.

Первый шаг. Её майка зацепилась за пуговицу его рубашки. Он, не останавливаясь, пальцами стянул ткань с её плеч. Майка послушно соскользнула, упала на пол где-то между гостиной и прихожей. Аля осталась в одном кружевном бюстгальтере — бледно-розовом, почти прозрачном. Грудь под ним была небольшой, упругой, с тёмными сосками, угадывающимися сквозь узор. Он провёл большим пальцем по

её ключице — влажной от пота, горячей. Она выгнулась дугой, прижимаясь ещё теснее.

— Ты сводишь меня с ума, — выдохнул он.

— Это только начало, — ответила она шёпотом ему в губы.

Второй шаг. Её руки, всё ещё обвивающие его шею, потянули пуговицы его рубашки. Она действовала ловко, но он чувствовал, как дрожат её пальцы, как она спешит, как боится, что он передумает. Ткань разошлась, обнажив его грудь — широкую, с тёмными волосками, с едва заметным шрамом под правой ключицей. Аля провела ладонью по его животу — там, где мышцы напряглись от её прикосновения, — и рубашка упала на пол следом за майкой.

Теперь они были почти нагими. Он — в расстёгнутых джинсах, она — в лифчике и крошечных трусиках, которые обещали больше, чем скрывали.

Третий шаг — уже в дверях спальни. Комната встретила их запахом чистого постельного белья, пылью с подоконника (там цвела герань) и прохладой, которая показалась обжигающей на разгорячённую кожу. Он прислонил Алю спиной к косяку — на секунду, только чтобы перевести дыхание. Но она восприняла это как приглашение. Её пальцы скользнули к его ремню. Пряжка звякнула, падая на паркет. Молния джинсов поползла вниз от её ловкого движения. Джинсы тяжело осели к его щиколоткам.

Он шагнул из них, подхватил её снова. Только тонкая

полоска трусиков и кружево бюстгальтера. Её ноги сильнее сжали его бёдра, и она сделала движение тазом — вперёд, к нему, так что через его боксеры и её влажную уже ткань он ощутил пульсирующее тепло.

Он застонал — глухо, сдержанно.

— В спальню, — прошептала Аля, и в этом шёпоте было столько власти, что он послушался, даже не думая перечить.

Кровать была расстелена — свежие простыни, две высокие подушки, плед, который он так и не убрал после зимы. Он опустился на край, держа её на коленях, лицом к себе. Их лбы соприкоснулись. В темноте он видел только блеск её глаз — огромных, влажных, с расширенными зрачками.

— Ты уверена? — спросил он в последний раз. Голос дрожал. — Мне тридцать восемь. Я разведён. У меня двое детей. Ты могла бы найти парня своего возраста.

Аля вместо ответа взяла его ладонь и положила себе на сердце — прямо на кружево. Сердце билось часто-часто.

— Мне плевать на возраст, — сказала она. — Я хочу тебя. Сейчас. И всегда.

Он больше не спорил.

Они рухнули в постель — не грубо, не пошло, а так, как падают в объятия после долгой разлуки. Матрас прогнулся под их общим весом, простыни взметнулись и медленно опа-

ли, накрывая их.

Он оказался сверху, опираясь на локти, чтобы не раздавить Алю своей тяжестью. Но она не хотела расстояния. Её руки обвились его спину, притягивая вниз, к себе, так что каждый миллиметр их тел соприкоснулся. Его грудь прижалась к её груди — он чувствовал биение двух сердец, не синхронных, но стремящихся к одному ритму.

— Не уходи, — прошептала Аля в его губы. — Никогда не уходи.

Он поцеловал её. Сначала нежно — едва касаясь, пробуя вкус. Её губы пахли мятой и чем-то сладким. Она ответила сразу — приоткрыла рот, позволила его языку скользнуть внутрь. Их языки встретились, сплелись, медленно и чувственно.

Её пальцы зарылись в его волосы на затылке, сжимая, прижимали его лицо к своему. Аля целовала его жадно, с прикусами нижней губы, от которых по его позвоночнику бежали мурашки.

Он отстранился на секунду, чтобы посмотреть на неё. В полутьме спальни, подсвеченной луной, её лицо было прекрасным в своей незащитности — разметавшиеся волосы, припухшие от поцелуев губы, щёки, покрытые румянцем. Глаза блестели.

— Ты такая красивая, — сказал он хрипло.

Аля улыбнулась.

— Докажи.

Его рука скользнула по её боку — от подмышки до бедра, повторяя изгиб талии, округлость бедра, гладкость внешней стороны ноги. Её кожа была горячеей, покрытой редкими мурашками от его прикосновений. Он провёл костяшками пальцев по внутренней стороне её бедра, там, где кожа особенно нежная, и она выгнулась, издав короткий придушенный звук — не то стон, не то всхлип.

— Тише, — прошептал он ей в шею, целуя точку за ухом, где билась жилка. — Услышат.

— Никого нет, — выдохнула Аля. — Только мы. И луна. Её собственные руки блуждали по его спине — царапали, гладили, сжимали лопатки. Одна рука нырнула ниже, сжала его ягодицу сквозь ткань боксеров, притягивая ближе. Между их бёдрами оставалось всего два слоя ткани — и напряжение, которое можно было резать ножом.

Он оторвался от её губ и посмотрел вниз. Её бюстгальтер всё ещё был на ней — кружево, которое хотелось сорвать. Он провёл пальцами по краю чашечки, зацепил тонкую лямку и потянул вниз. Ткань скользнула, обнажая сначала ключицы, потом плечи, потом грудь.

Он наклонился и поцеловал сначала один сосок — едва касаясь губами, слегка проводя языком. Аля застонала — громко, не сдерживаясь. Потом второй. И снова первый, но уже с нажимом, с посасыванием, от которого её спина выгнулась мостом.

— О да, — прошептала она, запуская пальцы в его волосы,

прижимая к себе. — Не останавливайся.

Он слушался. Его язык спускался ниже, к ложбинке между грудей, целовал солнечное сплетение. Её живот под его губами был плоским, твёрдым, с едва заметной дорожкой светлых волос, уходящей вниз, за резинку.

Он поцеловал её живот, провёл языком по краю трусиков, вдыхая её запах — мускусный, сладкий, пьянящий. Аля дышала часто-часто, её бёдра непроизвольно двигались навстречу его рту.

— Пожалуйста, — выдохнула она. — Я хочу тебя. Внутри.

Он поднял голову, посмотрел ей в глаза. В них не было стыда — только желание.

Его рука скользнула под резинку. Ткань была влажной — он ощутил это сразу. Его пальцы нашли центр её удовольствия — маленький твёрдый бугорок. Аля вскрикнула, когда он коснулся его, и закусила губу, чтобы не закричать. Он гладил медленно, круговыми движениями, чувствуя, как она тает под его пальцами, как её бёдра раздвигаются шире.

— Сейчас, — сказал он и одним движением стянул с неё трусики.

Аля лежала перед ним совершенно обнажённая — на простынях, влажная, дрожащая. Он смотрел на неё долго, вбирая взглядом каждую родинку, каждый изгиб. Потом избавился от собственных боксеров.

Их соединение произошло, когда луна вышла из-за облаков и залила комнату серебряным светом. Он вошёл в неё

медленно, сантиметр за сантиметром, чувствуя, как её тело раскрывается ему навстречу, как её внутренние мышцы сжимают его — тёплые и бархатистые.

Аля выдохнула — долго, со вкусом — и обвила его ногами, притягивая глубже.

— Ты чувствуешь? — прошептала она. — Как мы стали одним целым.

Он начал двигаться. Медленно сначала, потом быстрее, подстраиваясь под её дыхание, под её стоны, которые становились всё громче и откровеннее. Их тела слились в едином ритме.

Аля царапала его спину, он целовал её шею, они шептались друг другу слова, не имеющие смысла вне этого момента. Он чувствовал, как внутри него нарастает напряжение, как приближается пик, но он ждал её — её крика, её судорог, её освобождения.

— Со мной, — прошептал он. — Сейчас.

И она сломалась. Тихо, почти беззвучно — только выдох, только её тело, выгнувшееся дугой, только внутренние спазмы, которые передались ему, как электрический разряд.

Он отпустил себя следом — резко, глубоко, до потери сознания на долю секунды, когда мир исчез, а осталось только её имя, сорвавшееся с его губ.

Они лежали неподвижно долгую минуту. Его лицо уткнулось в её влажные волосы. Её сердце билось где-то под его рёбрами. В комнате пахло потом, любовью и геранью с под-

оконника.

Потом он скатился на бок, не выпуская Алю из рук, и прижал к себе, накрывая простынёй. Она свернулась калачиком у его груди, положив голову на его плечо.

— Спасибо, — прошептала она в темноту.

Он улыбнулся, поцеловал её в макушку и ничего не сказал.

Спустя час Аля тихо оделась и вышла. Дверь закрылась бесшумно. Он лежал, глядя в потолок, и знал — это не конец. Это только начало.

Две недели превратились в пытку. Он не знал ни номера телефона Али, ни её адреса — хотя знал, что она живёт этажом ниже, но не решался спуститься. Она пришла как видение — и исчезла, оставив после себя запах ванили на подушке и влажное пятно на простыне, которое он так и не стёр.

Он пытался забыть. Загружал себя работой, ходил в спортзал до изнеможения, пил вино по вечерам. Но каждую ночь ему снились её руки на своих бёдрах, её шёпот, её глаза. И голос в голове твердил: *«Ты ей в отцы годишься. Она просто ошиблась. Забудь»*.

А потом Аля позвонила в дверь.

Он открыл — и замер. Она стояла на пороге, бледнее обычного, с кругами под глазами. В её руке была белая пла-

стиковая полоска.

— Войди, — сказал он хрипло.

Аля вошла, остановилась посреди гостиной, где всё осталось как в тот вечер — то же кресло, тот же телевизор, та же луна за окном. Протянула тест дрожащей рукой.

Две полоски. Яркие, чёткие.

Он перевёл взгляд с теста на её лицо.

— Что ты хочешь от меня? — спросил он тихо. Без страха. Без упрёка.

Аля опустила глаза в пол. Долго молчала. В комнате было слышно, как тикают часы на кухне и как за окном шуршит ветер в листве.

— Я не знаю, — прошептала она наконец. — Я просто не могла не показать тебе.

Она стояла перед ним — растерянная, испуганная, но гордая.

Он смотрел на неё долго. Потом шагнул вперёд, взял её за плечи — не сильно, почти невесомо — приподнял подбородок и заглянул в глаза.

— Я буду твоим, — сказал он. Каждое слово падало тяжело и надёжно, как камень в фундамент. — Но и ты пообещай, что всегда будешь моей.

Аля всхлипнула — один раз, и тут же закусила губу, чтобы не разреветься. Потом кивнула, часто-часто, и бросилась ему на шею, пряча лицо у него на груди.

Он обнял её в ответ — крепко, накрывая ладонью заты-

лок, прижимая к себе так, будто собирался хранить вечность. Телевизор молчал. Впервые за много лет.

Они не стали скрываться. Через неделю после того, как Аля переехала к нему, он пришёл на работу с синяком под глазом — она пошутила, что так выглядит настоящий мужчина, и он засмеялся впервые за долгое время. Коллеги заметили перемену: он перестал пить один по вечерам, перестал задерживаться допоздна без причины.

Первым не выдержал Сергей, его напарник по проекту, с которым они делили офис на двоих. Сергей был ровесником, разведённым, но без детей, и относился к жизни проще.

— Ты чего светишься? — спросил он, когда они остались вдвоём в переговорной. — Влюбился, что ли?

Он коротко рассказал. Сергей слушал, потом долго молчал, крутил в руках стилус.

— Восемнадцать, говоришь? — переспросил наконец. — Ну, бабник ты, я считал тебя тихоней. Но если серьёзно — она тебя не сожрёт? Молодые сейчас другие.

— Не сожрёт, — сказал он. — Она просто... другая.

Сергей пожал плечами. «Твоя жизнь». Но через месяц, когда он принёс в офис фотографию Али с их новорождённой Алисой, Сергей долго смотрел и сказал: *«Красивая. И правда, не похожа на обычных»*. Это было высшей формой одоб-

рения.

Были и другие реакции. Начальник отдела, пожилой мужчина с красным лицом, вызвал его к себе и полчаса втолковывал, что *«ты подставляешь компанию, вдруг она несовершеннолетняя?»* — пришлось показать паспорт Али (восемнадцать и два месяца на тот момент). Начальник крикнул, сказал *«ну смотри»* и больше не поднимал тему.

Одна коллега, женщина за сорок, перестала с ним здороваться. Он узнал, что она распустила слух, будто он *«приютил малолетку из неблагополучной семьи»*. Это было неприятно, но он решил не реагировать. Аля, узнав, только усмехнулась: *«Завидуют. У неё муж с любовницей живёт, а ты молодую нашёл»*.

Со стороны Али тоже было нелегко. У неё осталось несколько подруг по колледжу — Лена и Катя, с которыми она иногда пила кофе после пар. Когда Аля рассказала им, что живёт с мужчиной вдвое старше, Лена округлила глаза: *«Ты с ума сошла? Он же старый! А если он тебя бросит? А если он тебя использует?»* Катя молчала, потом спросила: *«Он бьёт тебя?»* Аля покачала головой. *«Он платит за тебя?»* — *«Нет, мы снимаем квартиру пополам, я работаю»*. Катя вздохнула: *«Ну, смотри. Но если что — мы тут»*.

Через полгода, когда Аля забеременела, Лена перестала звонить. Катя осталась, но стала реже появляться. Аля не жаловалась. *«Они просто не понимают»*, — сказала она однажды вечером, когда он спросил, не обидно ли ей. *«Я и сама*

не всегда понимаю. Но это моя жизнь».

Его бывшая жена узнала случайно — через общих знакомых. Позвонила в два часа ночи, орала в трубку: *«Ты что, совсем спятил? А если она с тобой из-за денег? А если она потом отсудит у нас детей?»* Он слушал, молчал, потом сказал: *«Дети не у нас. Дети у тебя. И это не её вина»*. Жена бросила трубку. С тех пор они общались только через адвоката.

Никто из его друзей не пришёл на свадьбу — они расписались скромно, вдвоём, в маленьком загсе на окраине. Аля надела белое платье, которое сшила сама. Он купил ей кольцо с маленьким бриллиантом — последние сбережения. После регистрации они пошли в кафе, съели по куску пирога и вернулись домой. Вечером Аля сказала: *«Нам никто не нужен, кроме нас»*. Он обнял её и подумал, что она, возможно, права.

Два года спустя

В их квартире редко бывает тихо. Утром — шаги, звон посуды, чей-то плач, Аля ругается с трёхлетней Алисой из-за каши, он пытается успокоить двухлетнюю Веру, а полугодовалый Ян просто орёт, потому что хочет есть. Хаос. Но к вечеру, когда все трое засыпают, они остаются вдвоём.

Он работает из дома, Аля закончила колледж и подраба-

тывает дизайнером в свободное время. Никто из них не планировал троих детей за два года. Но как-то получилось.

По вечерам, после того как каша съедена, сказки прочитаны, а игрушки собраны в ящик, они сидят на кухне. Иногда молчат. Иногда говорят о пустяках. А потом он берёт её за руку, или она садится к нему на колени, и всё начинается заново.

Между ними больше нет робости. Нет вопросов *«уверена ли ты?»* или *«не слишком ли я стар для тебя?»*. Есть только желание — то же самое, что в первую ночь, но теперь без страха и неловкости. Иногда она командует, и он подчиняется. Иногда он берёт её грубо, прижимая к стене. Иногда они просто лежат, переплетаясь, и двигаются так медленно, что время замирает.

Они говорят друг другу то, что раньше стеснялись сказать. Смеются после. Засыпают уставшие и спокойные.

А утром — снова каша, памперсы, поцелуи в макушки и его рука на её пояснице, пока она готовит завтрак.

Счастье — это не тишина и покой. Это когда после всего — ошибок, случайной ночи, страха перед тестом на беременность, шока от новости, что ты станешь отцом в почти сорок лет, — вы всё равно выбираете друг друга. Каждый день. Каждую ночь. Каждый спор. Каждое примирение.

За окном их спальни светит луна. В доме спят дети. А они всё ещё ищут друг друга в темноте — и всегда находят

Тепло на двоих

Энск всегда был городом, который забывали на картах. Даже само его название казалось насмешкой — слишком коротким, слишком незначущим для места, где люди рождались, любили, умирали и снова рождались в своих детях, не оставляя в истории ничего, кроме серых строчек в метрических книгах районной администрации.

Алексей помнил его именно таким — серым, спокойным, пропахшим дешевым табаком из ларька у автовокзала и мокрой листвой по осени. Он уехал в девятнадцать, как только наскреб на билет до Москвы, и поклялся себе, что вернется только через его труп. Но жизнь, как обычно, посмеялась над его клятвой. Теперь ему было двадцать пять, от московской жизни остались лишь шрамы, да привычка вздрагивать от резких звуков, и вот он снова здесь — в городе, который не хотел его отпускать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.